

A woman in a white, long-sleeved dress with a floral pattern on the skirt stands on a wooden bridge in a lush green forest. The bridge is made of weathered wood and has a simple railing. The background is filled with dense foliage and trees. A decorative frame with a purple and gold border is positioned above the woman, containing the author's name and the title of the work.

Александр
АМФИТЕАТРОВ
Отравленная совесть

Александр Валентинович Амфитеатров

Отравленная совесть

Действие происходит в Петербурге, в начале XX века. После десятилетнего отсутствия сюда возвращается уральский миллионер, меценат и «русский Казанова» Андрей Яковлевич Ревизанов, с которым связана не одна женская судьба. При неясных обстоятельствах Ревизанова убивают у него дома. Следователь Синев находит голубой конверт и, таким образом, получает в руки улику, свидетельствующую об убийстве, но разгадка таинственного убийства наступает не сразу...

Содержание

#1	0005
#2	0005
#3	0006
ДѢЙСТВІЕ I	0008
ДѢЙСТВІЕ II	0035
ДѢЙСТВІЕ III	0065
ДѢЙСТВІЕ IV	0096
ВАРИАНТЪ ПОСЛѢДНЕЙ СЦЕНЫ	0155

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ

Къ представленію дозволена. Петербургъ, 31
Іюля, 1897 г. № 0915 (въ первой редакціи)
и 27 октября того же года во второй
редакціи, печатаемой въ настоящемъ второ-
мъ изданіи пьесы. Написана въ 1891-96 годахъ.
Впервые поставлена на сцену въ Москвѣ въ те-
атрѣ Корша (по первой редакціи) и 8-го января
1898 года въ Петербургѣ въ Маломъ театрѣ
Литературно-Артистическаго Кружка, по
второй редакціи.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Гликеріи Николаевнѣ Ѳедотовой

Дѣйствующія лица.

Степанъ Ильичъ Верховскій, директоръ
банка, 56 лѣтъ.

Людмила Александровна, его жена, 36
лѣтъ.

Митя, 17 лѣтъ.

Лида, 16 лѣтъ.

Яковъ Іосифовичъ Ратисовъ,
дѣйствительный статскій совѣтникъ, не слу-
жить, 48 лѣтъ.

Олимпіада Алексѣевна, его жена, 39 лѣтъ;
по первому браку, мачеха Людмилы Алексан-
дровны.

Андрей Яковлевичъ Ревизановъ, 44 лѣтъ.

Петръ Дмитріевичъ Синевъ, судебный
слѣдователь, дальній родственникъ Верхов-
скихъ, лѣтъ подъ 30.

Аркадій Николаевичъ Сердецкій, литера-
торъ, 48 лѣтъ.

Леони, наѣздница.

Горничная.

Человѣкъ въ гостиницѣ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ восьмидесятихъ годахъ^[1].

ДѢЙСТВІЕ I

Гостиная въ домѣ Верховскихъ. Богатая обстановка.

Людмила Александровна одна передъ зеркаломъ. Входитъ Олимпіада Алексѣевна Ратисова.

Олимпіада Алексѣевна. Скажите пожалуйста! Любуется!

Людмила Александровна. Липочка!

Олимпіада Алексѣевна. Здорова? что дѣти? Степанъ Ильичъ? Впрочемъ, по лицу вижу, что все благополучно. Вѣдь ты, когда въ домѣ не ладно, сама на себя не похожа. А сегодня совсѣмъ въ аккуратѣ и даже передъ зеркаломъ вертишься.

Людмила Александровна. Начались милыя выраженія.

Олимпіада Алексѣевна. А ты ко мнѣ снисходи. Не всѣмъ же быть сшитыми по твоей кройкѣ. Ты у насъ одна въ имперіи. Мой супругъ, — на что дуракъ! — и тотъ говоритъ о тебѣ не иначе, какъ самымъ высокимъ штилемъ. Я совѣтую тебѣ за него замужъ пойти,

если съ нимъ разведусь, а твой Степанъ Ильичъ, сохрани Богъ...

Людмила Александровна. Липа, не болтай вздора.

Олимпіада Алексѣевна. Не могу, это выше силъ моихъ. Какъ вышла изъ института, выпустила языкъ, такъ и до старости дожила, а сдержатъ его не умѣю.

Людмила Александровна. А ты уже записалась въ старухи?

Олимпіада Алексѣевна. По секрету, милая. Намъ съ тобой нечего чиниться другъ передъ другомъ, обѣимъ по тридцати шести.

Людмила Александровна. Ой, Липа! Какъ же это? Мнѣ-то, дѣйствительно, тридцать шесть, а вѣдь ты старше меня на три года!

Олимпіада Алексѣевна. Да? Ну, значитъ, съ нынѣшняго дня будетъ тебѣ тридцать три, потому что я больше тридцати шести имѣть не желаю. А, впрочемъ, не все ли равно? Развѣ годы дѣлаютъ женщину? Лѣта *c'est moi!* Кто мнѣ дастъ больше тридцати? О тебѣ же и рѣчи нѣтъ. Помню тебя дѣвочкою: красавица была; помню барышней — тоже хоть куда. За мужъ вышла, пошли дѣти, — подурнѣла, ста-

да такъ себѣ; а теперь расцвѣла, прелесть, и только. Впрочемъ, зеркало передъ тобою.

Людмила Александровна. Х-а-ха-ха!

Олимпиада Алексѣевна. Нечего смѣяться, правду говорю. А если не вѣришь на слово, что мы еще можемъ постоять за себя, вотъ тебѣ документа.

Людмила Александровна. Что такое?

Олимпиада Алексѣевна. Billet doux. Такъ это называется. "Обожаемая Олимпиада Алексѣевна! Давно скрываемое пламя любви"... и прочая, и прочая. Сегодня получила. И ему двадцать два года. Нѣтъ, старая гвардія умираетъ, но не сдается!

Людмила Александровна. Любовная записка? Вотъ чего я никогда не получала. Покажи.

Олимпиада Алексѣевна. О, невинность!

Людмила Александровна (*возвращаетъ письмо*). Глупо-то, глупо какъ!

Олимпиада Алексѣевна. Это тебѣ съ непривычки. А мнѣ ничего, даже очень аппетитно. Я вѣдь специалистка, всю жизнь провела за этою корреспонденціей. И теперь пишу.

Людмила Александровна. Вотъ какъ.

Олимпиада Алексѣевна. Право, пишу. Осо-

бенно артистамъ, которые въ модѣ.

Людмила Александровна. И отвѣчаютъ?

Олимпиада Алексѣевна. А что имъ еще дѣлать-то?

Людмила Алексѣевна. А мужъ какъ смотритъ на твои подвиги?

Олимпиада Алексѣевна. Очень онъ мнѣ нуженъ. Состояніе мое и воля моя. Попутала меня нелегкая съ этимъ бракомъ.

Людмила Александровна. Если не любишь Ратисова, зачѣмъ вышла за него? Кто неволилъ?

Олимпиада Алексѣевна. Думала, что онъ — порядочный человекъ, мужчина, а онъ размазня, тряпка, губка... Ты своего Степана Ильича хоть и не любишь...

Людмила Александровна. Это кто тебѣ сказалъ?

Олимпиада Алексѣевна. Логика. Онъ старше тебя на двадцать лѣтъ.

Людмила Александровна. Лжетъ твоя логика. Замужъ я шла, дѣйствительно, не любя. Но теперь я, право, даже и представить себѣ не могу, какъ бы я жила не въ этомъ домѣ, не со своимъ Степаномъ Ильичемъ, безъ Мити,

безъ Лиды...

Олимпіада Алексѣевна. Ну, тебѣ и книги въ руки. Не очень-то я тебѣ вѣрю. Сама жила за старымъ мужемъ: ученая!.. Неужели ни одинъ мужчина не интересовалъ тебя въ эти годы?

Людмила Александровна. Послѣ замужества? Ни одинъ.

Олимпіада Алексѣевна. Даже Аркадій Николаевичъ?

Людмила Александровна. Какъ тебѣ не стыдно?

Олимпіада Алексѣевна. Да я ничего... болтали про васъ много въ свое время... Ну, и преданъ онъ тебѣ, какъ пудель... Спроста такъ не бываетъ.

Людмила Александровна. Аркадій Николаевичъ былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ и остался. Между нами даже разговора никогда не было такого, какъ ты намекаешь, романтическаго.

Олимпіада Алексѣевна. Вамъ же хуже: чего время теряли? Сердецкій — и умница, и знаменитость... чего тебѣ еще надо? Ну, да ваше дѣло: кто любитъ сухую клубнику, кто со

сливками, — зависитъ отъ вкуса... Итакъ, ни одинъ?

Людмила Александровна. Ни одинъ.

Олимпіада Алексѣевна. А меня, кажется, только одинъ не интересовалъ: мой мужъ. Однако, что это я завела все о мужьяхъ, да о мужьяхъ? Веселенькій сюжетецъ, нечего сказать. А, знаешь, не думала я, что изъ тебя выйдетъ недотрога. Въ дѣвкахъ ты была огонь. Я ждала, что ты будешь ой-ой-ой!

Людмила Александровна. Что-то не помню въ себѣ подобныхъ задатковъ.

Олимпіада Алексѣевна. Ну, какъ не помнить? Да — что далеко ходить? Ревизанова развѣ позабыла? Чего мнѣ стоило отбить его у тебя... Ну-ну! Мила! глупая! Зачѣмъ же блѣднѣть? Даже губы побѣлѣли...

Людмила Александровна. Вовсе нѣтъ, что ты выдумываешь?

Олимпіада Алексѣевна. Ой-ой-ой! сударыня, злопамятна же ты. Пора бы простить и смѣяться надъ прошлымъ. Невѣсть сколько лѣтъ вы разстались...

Людмила Александровна. Ахъ, перестань, Липа! Ты знаешь, что мнѣ не могутъ быть

пріятны воспоминанія объ этомъ челоѣкѣ.

Олимпіада Алексѣевна. Да, красиво вель себя мальчикъ, — удавить, и то, пожалуй, не жалко. Хоть ты и злилась на меня в то время, зачѣмъ я стала между вами, а ты должна записать меня въ поминаніе, за здравіе рабы Олимпіады. Не вскружи я Андрею Яковлевичу голову, быть бы тебѣ за нимъ.

Людмила Александровна. Ахъ, Липа!

Олимпіада Алексѣевна. А изъ него, Милочка, вышелъ, говорятъ, превеликій мерзавецъ...

Синевъ (*входитъ*). Батюшки! кто это здѣсь произноситъ столь жестокія слова?.. Здравствуйте, кузина. Здравствуйте; неувядаемая тетушка... Кого вы изволите громить, тетя Липа?

Садится.

Олимпіада Алексѣевна. Стоящаго челоѣка.

Синевъ. А имя такового?

Олимпіада Алексѣевна. Андрей Яковлеви-

чь Ревизановъ.

Синевъ. О!..

Людмила Александровна. Вы знакомы?

Синевъ. Встрѣчаемся... Да-съ, это гусекъ! Какъ его не знать? Онъ всю московскую зиму переполнилъ шумомъ своихъ успѣховъ. Кто скупилъ чуть ли не всѣ акціи Черепановской дороги? Ревизановъ. Кто пожертвовали пятьдесятъ тысячъ въ пользу голодающихъ черноморцевъ? Ревизановъ. Кто съѣлъ ученую свинью изъ цирка? Ревизановъ. Чей рысакъ взялъ первый призъ на бѣгахъ? Ревизанова. Чей милліонный процессъ выигралъ Плевако? Ревизановскій. У кого на содержаніи Леони самая шикарная въ Москвѣ кокотка? У Ревизанова.

Людмила Александровна. Чѣмъ онъ собственно занимается?

Синевъ. Состоитъ въ званіи интереснаго незнакомца.

Олимпіада Алексѣевна. Я первая его отлично знаю.

Синевъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Людмила Александровна. Онъ старый нашъ знакомый, Петръ Дмитріевичъ. Мой отецъ.

ць поставилъ его на ноги, вывелъ въ люди.

Синевъ. Помню и знаю. Но между тогдашнимъ Ревизановымъ и настоящимъ пропасть. Тотъ былъ бѣднякъ, этотъ капиталистъ, тотъ кандидатъ въ герои романа, этотъ изъ героевъ герой.

Людмила Александровна. Вы шутите?

Синевъ. И да, и нѣтъ. Я хотѣлъ бы рассказать вамъ біографію Ревизанова, но у него нѣтъ біографіи. Есть легенда. Факты вотъ. Ревизановъ былъ дважды женатъ на богатѣйшихъ купчихахъ и, вдовѣя, получалъ въ оба раза чуть не по милліону въ наслѣдство. У него золотой промыселъ въ Сибири. Онъ строилъ Сѣверскую дорогу. Онъ директоръ и повелитель Сѣвернаго банка. На Волгѣ и Камѣ у него свое пароходство. Вотъ и все. Затѣмъ начинается легенда, то есть слухи и сплетни. Прикажете сплетничать?

Людмила Александровна. Пожалуйста.

Голосъ Мити, поющаго куплеты изъ "Кармень".

Олимпіада Алексѣевна. Что же ты?

Синевъ. Юношество грядетъ, учащаяся молодежь. При ней не дерзаю.

Митя входитъ бойко и весело, но, увидавъ Олимпіаду Алексѣевну, конфузится.

Митя. Здравствуй, мама.

Робко кланяется Олимпіаде Алексѣевнѣ.

Людмила Александровна. Здравствуй. Отчего такъ рано?

Митя. Физика не пришла. Распустили послѣ большой перемѣны.

Олимпіада Алексѣевна. Какой Митя у тебя хорошенькій становится, Мила.

Синевъ. А вамъ нельзя не замѣтить? О, неисправимая тетушка! (*Митѣ*). И ты тоже хорошъ! Такая, можно сказать, неподражаемая со всѣхъ сторонъ дама тебя хвалить, а ты краснѣешь, конфузишься... Стыдись! "Мужчи-

на долженъ быть свирѣпъ", говоритъ испанская пословица.

Людмила Александровна. Оставьте Митю в покоѣ.

Синевъ. Уму-разуму учу: я буду тлѣть, а онъ цвѣсти. Ты, Митя, не стѣсняйся: тетушка тебѣ слово, а ты ей — двадцать; она тебѣ: ахъ! хорошенькій! — а ты ей: смотрите и страдайте.

Людмила Александровна. Какіе вы оба с Олимпіадою несносные пустословы!.. Липа! пойдѣмъ ко мнѣ... Я покажу тебѣ новые мои туалеты: это по твоей части.

Олимпіада Алексѣевна. Еще бы не по моей! Не иду — лечу! (*проходя мимо Мити*). А ты все дичишься меня, волчекъ?

Синевъ. В самомъ дѣлѣ, Митька, зачѣмъ ты глядишь на тетушку такимъ сконфуженнымъ быкомъ?

Митя. Ну ее!..

Синевъ. Глупо. Подобныхъ дамъ юноша твоего возраста долженъ цѣнить на вѣсь золота. День для нихъ прошелъ, вечеръ не наступилъ, а развлеченія сердце дамское требуетъ.

Митя. Не люблю я ее... Говорить она какъ-то эдакъ... какъ будто и ничего особеннаго, а покраснѣешь отъ ея разговора... Смотрить, ухмыляется...

Синевъ. Увы, мой другъ! Отъ своей судьбы не уйдешь. И думается мнѣ, что никто другая, какъ блистательная Олимпіада, и есть твоя судьба. Вашъ братъ, молокососъ, самой природой приспособленъ для сихъ сорокалѣтнихъ пожирательницъ мужчинъ.

Митя. Вѣришь ли, какъ не люблю ее, какъ она мнѣ надоѣла: даже по ночамъ снится стала.

Синевъ. Даже по ночамъ снится? *Finita la comedia*: сдавайся на капитуляцію, — и да будетъ надъ тобою благословеніе твоего добраго, стараго дяди. Затѣмъ прощай... Къ обѣду я вернусь, а до тѣхъ поръ мнѣ предстоитъ привести въ совѣсть и чувство одного неблаговоспитаннаго конокрада.

Верховскій и Ревизановъ входятъ.

Верховскій. Пожалуйте сюда, милости про-

симъ, батюшка Андрей Яковлевичъ. Вотъ гость, такъ гость! Прямо скажу: не жданный, но радостный... Гдѣ Людмила?... А! Митяй! Здравствуй! И ты тутъ, Петенька?... Андрей Яковлевичъ! Вамъ, чай, и не узнать этого молодца?

Ревизановъ. Петръ Дмитриевичъ Синевъ, — не правда ли? Я помню васъ еще мальчикомъ въ курточкѣ. Я памятливъ на лица и имена.

Синевъ. Качество королей.

Верховскій. Служить, батюшка Андрей Яковлевичъ, судебный слѣдователь и на отличнѣйшей дорогѣ, Станислава имѣеть... Анну. Аль Анны-то у тебя, Петя, нѣту?

Синевъ. Нѣту, Степанъ Ильичъ, поторопились. Нѣту.

Верховскій. Нѣтъ такъ будетъ, непременно будетъ, ты не горюй!

Синевъ. С чего мнѣ?! помилуйте!

Верховскій (*подводитъ Митю*). А это мой. Видите: весь в мать. Со мною точно на смѣхъ — ни черточки схожей, а мой баловень. Да что же это, Людмила? гдѣ она? Людмила Александровна! Людмила Александров-

на!

Людмила Александровна и Олимпіада Алексѣевна входятъ. Ревизановъ кланяется.

Ревизановъ Людмила Александровна...

Она отвѣчаетъ ему очень холодно.

Ревизановъ. Кого я вижу? Вы ли это, Олимпіада Алексѣевна?

Олимпіада Алексѣевна. Развѣ я такъ перемѣнилась?

Ревизановъ. О, да! — но к лучшему.

Олимпіада Алексѣевна. Какъ и вы. Вы всегда смотрѣли такимъ... джентльменомъ, а теперь стали точно принцъ Уэльскій.

Синевъ. Вошла въ колею... А конокрадъ-то мой дожидается. Сбѣжать подъ шумокъ... (берется за шляпу).

Олимпіада Алексѣевна. Петя, ты на службу?

Синевъ. Да, тетушка, время.

Олимпіада Алексеевна. Я подвезу тебя: я на своихъ лошадяхъ... Надѣюсь, Андрей Яковлевичъ, что, навѣстивъ одну старую знакомую, вы и другой не забудете, посѣтите меня?

Ревизановъ. Мнѣ остается только просить извиненія, что я раньше не былъ у васъ.

Олимпіада Алексеевна. Смотрите же, я буду ждать. До свиданія, Мила, до свиданія, Степанъ Ильичъ. Руку, Петя.

Уходятъ, въ сопровожденіи Мити.

Верховскій. Присаживайтесь, Андрей Яковлевичъ... Такъ-то, такъ-то, батюшка. Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! что воды утекло!

Ревизановъ. Да, перемѣнъ не сосчитать. И въ людяхъ, и въ обстоятельствахъ.

Верховскій. Взять хоть бы васъ, дорогой: куда широко шагнули. Тузь изъ тузовъ, рукою васъ не достанешь.

Ревизановъ. О, что вы, Степанъ Ильичъ!

Верховскій. А безъ лести скажу: остались такой же милый, непритязательный, про-

стой, какъ были... Давно пожаловали къ намъ въ Белокаменную?

Ревизановъ. Второй мѣсяцъ.

Верховскій. Одни или съ супругою?

Ревизановъ. У меня нѣтъ семьи, Степанъ Ильичъ. Я вдовець.

Людмила Александровна. Я слышала, — да же дважды.

Ревизановъ. Совершенно справедливо, Людмила Александровна, дважды.

Верховскій. Ого! Значить, искушены супружескимъ опытомъ вполнѣ?

Ревизановъ. И сытъ этимъ опытомъ по горло.

Верховскій. На третій брачный дебютъ не посягаете?

Ревизановъ. Ни въ какомъ случаѣ. Развѣ ужъ влюблюсь безумно... но это мнѣ не по годамъ.

Людмила Александровна. Къ тому же, безумно любить три раза въ жизни — не слишкомъ ли много счастья для одного человѣка?

Ревизановъ. Вы ошибаетесь: я не любилъ своихъ покойныхъ женъ.

Людмила Александровна. Откровенно.

Ревизановъ. Къ чему же скрывать? Мы люди дѣловые, коммерческіе, и браки у насъ дѣло коммерческое, сдѣлка по договору. У людей обыкновенныхъ душа выходитъ за душу, тѣло за тѣло, любовь за любовь. А у насъ деньги выходятъ за деньги же, либо за умъ, за распорядительность, дѣловитость. Касса, молъ, ваша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приди володѣти и княжити ею. Моей первой супругѣ былъ нуженъ, по ея огромнымъ, но разстроеннымъ дѣламъ, хороши приказчикъ на отчетъ. Выборъ ея палъ на меня. Она предложила мнѣ, вмѣсто всякаго контракта, свою руку. Я принялъ и не раскаялся. Вторая моя жена крупная пароходовладѣлица, вышла за меня, чтобы объединить въ одномъ дѣлѣ два капитала, мой и свой: до брака мы конкурировали, а, обвенчавшись, стали не только въ плотъ, но и въ кассу едину... и затрещали наши конкуренты.

Людмила Александровна. Вамъ бы ужъ и продолжать въ томъ же духѣ... Зачѣмъ же вы ищете для третьяго брака "безумной любви"?

Даже непослѣдовательно.

Ревизановъ. Затѣмъ, что я достаточно богатъ, чтобы позволить себѣ эту маленькую роскошь, и, безъ нея, жениться болѣе не намѣренъ.

Людмила Александровна. Не надѣетесь найти достойную?

Ревизановъ. Если хотите, да.

Верховскій. Ой, батюшка! заѣдятъ васъ за эти слова наши дамы.

Ревизановъ. Женщинъ, стоящихъ любви, очень мало на свѣтѣ. Женщинамъ придаютъ смыслъ и цѣну только тѣ, кто ихъ любитъ. Элоиза хороша потому, что ее любилъ Абельаръ, Манонъ Леско интересна потому, что ее любилъ шевалье де Гріе. Я не охотникъ до женщинъ, чтобы полюбить которыхъ, надо сперва влюбляться въ ихъ мужей и любовниковъ.

Верховскій. Ха-ха-ха! да вы шутникъ, Андрей Яковлевичъ.

Людмила Александровна. А другого типа женщинъ вы не встрѣчали въ своей... бурной жизни

Ревизановъ. Встрѣтилъ... одну. Давно...

И — вѣчная исторія о пѣтухѣ и жемчужинѣ! не узналъ ея и оскорбилъ, глупо, безсовѣстно, пошло, по-мальчишески оскорбилъ. И она отвергла меня. Какъ сейчасъ, помню ея негодующій взглядъ — взглядъ ангела въ день судный... Какъ я былъ побѣжденъ тогда! какъ раздавленъ!.. О, больше уже никто, никогда въ жизни не одерживалъ надо мною такой побѣды. Бываютъ моменты, которые остаются жить въ сердцѣ, какъ кровоточныя ранки, которыя заживаютъ лишь тогда, когда расквитаешься за обиду... Я со своею обидчицею такъ и не расквитался.

Горничная подаешь Степану Ильичу пакетъ съ бумагами.

Верховскій. Ага! изъ банка... Простите, Андрей Яковлевичъ, я оставлю васъ на четверть часа, спѣшныя бумаги, требуютъ моей подписи... Милочка! займи нашего гостя. Обѣдаете вы, конечно, у насъ?

Ревизановъ. Прошу извинить: я отозванъ къ Лазарю. Но посидѣть у васъ нѣсколько ми-

нутъ, если позволить Людмила Александровна, посижу съ удовольствіемъ.

Верховскій. Я сейчасъ, сейчасъ...

Уходитъ.

Продолжительное молчаніе.

Людмила Александровна. Я не ждала видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Ревизановъ. Я еще того менѣе. Всему виною случайная встрѣча и любезность вашего супруга. Но тѣмъ лучше. Я, все равно, хотѣлъ видѣть васъ непременно. И — наединѣ, по весьма важному дѣлу. Не сегодня, такъ завтра я просилъ бы у васъ свиданія. Позвольте мнѣ сѣсть?

Людмила Александровна. Развѣ разговоръ будетъ длинный?

Ревизановъ. Зависитъ отъ васъ.

Людмила Александровна. Нельзя ли, во всякомъ случаѣ, поскорѣе къ дѣлу?

Ревизановъ. Какъ вы спѣшите! Какой рѣзкій тонъ! Знаете ли, это даже не-хорошо въ отношеніи стараго пріятели. Я прихожу къ

вамъ не врагомъ, но съ чувствомъ глубокаго, искренняго расположенія и раскаянія.

Людмила Александровна. Мы старые пріятели? Ваше расположеніе? Ваше раскаяніе? Смѣшно слушать!

Ревизановъ. Это презрѣніе?

Людмила Александровна. Нѣтъ, просто дѣйствіе давности. Людмила Рахманова, которую вы когда-то знали и обманули, умерла. Людмила Верховская судить ее, какъ судила бы любую изъ своихъ знакомыхъ дѣвочекъ, случись съ нею такое же несчастіе. Мнѣ жаль ее, но нѣтъ до нея дѣла.

Ревизановъ. Такъ-съ. Слѣдовательно, вамъ, Людмилѣ Александровнѣ Верховской, будетъ безразлично, если кто-нибудь возьметъ, да и огласить дѣвическій грѣшокъ Милочки Рахмановой?

Людмила Александровна. Что это? шантажъ?

Ревизановъ. Зовите, какъ хотите. Я не боюсь словъ. Ахъ, Людмила Александровна! пустья это рѣчи — о давности. Прошлое власть, и горе тому, кто чувствуетъ ее надъ собою.

Людмила Александровна. Вы хотите пока-

зять мнѣ свою власть? Я въ нее не вѣрю.

Ревизановъ. Не обманывайте себя: вѣрите.

Людмила Александровна. Нѣтъ и нѣтъ. Что можете вы сдѣлать? Разсказать свѣту нашъ забытый романъ? Кто же вамъ поварить? Да, если и повѣрятъ, кто же придастъ значеніе такой старой исторіи? Вы даже не испортите мнѣ моего семейнаго счастія: мой мужъ слѣпо вѣритъ въ меня.

Ревизановъ. Тѣмъ грустинѣе было бы ему узнать, что вѣрить не слѣдовало. Конечно, дѣвическій грѣшокъ не будетъ въ состояніи совершенно уничтожить ваше положеніе въ обществѣ. Ну, посмѣются заднимъ числомъ, подивятся, какъ это холодная, цѣломудренная Людмила Верховская умѣла отыскивать въ своей душѣ страстные звуки, когда писала къ Андрею Ревизанову.

Людмила Александровна. Ахъ, эти письма!

Ревизановъ. Они всѣ цѣлы. Что, если, напримѣръ, я явлюсь съ вашими письмами къ вашему сыну и скажу ему: я — твой отецъ? Пусть я не докажу своихъ словъ, но вѣдь и вамъ нечѣмъ опровергнуть мое обвиненіе. А въ семьѣ-то... говорятъ; она у васъ рай земной...

въ семьѣ-то вѣдь адъ начнется?

Людмила Александровна. Довольно. Вы сильны, вы очень сильны. Радуйтесь: я боюсь васъ. Но зачѣмъ вамъ это, зачѣмъ? Чего вы хотите отъ меня?

Ревизановъ. Много.

Людмила Александровна. Не денегъ же: вы неизмѣримо богаче меня.

Ревизановъ. Конечно, не денегъ. Нѣтъ... Любви.

Людмила Александровна. Какъ?!

Ревизановъ. Сядьте, успокойтесь. Да, я прошу вашей любви. Я влюбленъ въ васъ. Влюбленъ... какъ мальчишка. Послушай же, Людмила...

Людмила Александровна. Какъ вы смѣете!

Ревизановъ. Виновать... Людмила Александровна. Я часто бываю въ Москвѣ и много слышалъ о васъ и все хорошее. Верховская красавица, Верховская умница, Верховская воплощенная добродѣтель. И, каждый разъ, что-то щипало меня за сердце. Красавица, да не твоя. Умница, да ты потерялъ ее, бросилъ, надругался. Наконецъ я увидѣлъ васъ въ оперѣ, въ ложѣ, съ Ратисовою. Увидѣлъ и то-

гда же рѣшилъ: эта женщина должна быть снова моею, или я возненавижу ее и сдѣлаю ей все зло, какое только можетъ сдѣлать человекъ человеку.

Людмила Александровна. Это бредъ какой-то... Вы съ ума сошли!.. Всего я ждала отъ васъ только не этого.

Ревизановъ (*смѣется*). Да? Такъ и запишемъ. Андрей Ревизановъ объяснился Людмиль Верховской въ любви, и Людмила Верховская прогнала его прочь. Но я не послушаюсь васъ и не пойду прочь, потому что вы прогнали меня необдуманно и въ концѣ концовъ полюбите меня.

Людмила Александровна. Никогда!

Ревизановъ. Переменнымъ выраженіе: будете принадлежать мнѣ.

Людмила Александровна. А! Негодяй!

Ревизановъ. Опять рѣзкое слово. Хорошо пусть негодяй. Такъ что же? И негодяй можетъ быть влюбленнымъ. Скажу даже больше: влюбленный негодяй звѣрь весьма интересный. Влюбленный негодяй, на примѣръ, просить любви только одинъ разъ. Но, отвергнутый, не отступаетъ, а требуетъ ее, бе-

реть хитростью, силой, покупаетъ, наконецъ.

Людмила Александровна. И вы зовете это любовью!

Ревизановъ. Послушайте: ваша честь въ моей власти. Я продамъ вамъ эту власть.

Людмила Александровна. Боже мой! есть ли въ васъ стыдъ, Ревизановъ?!

Ревизановъ. Вы получите обратно всѣ ваши письма. А безъ этой улики я безсиленъ противъ васъ. Что же?

Людмила Александровна. Дьяволъ вы или человѣкъ? я не знаю. Мужчина не рѣшился бы предлагать такую отвратительную подлость женщинѣ, которую любилъ когда-то.

Ревизановъ. Когда-то я не любилъ васъ, Людмила Александровна. Я лишь забавлялся вами. А вотъ теперь люблю. Да, люблю взгляните на меня еще разъ такимъ мрачнымъ взглядомъ. Люблю васъ за это гнѣвное лицо, за эти огненные презрительные глаза... Я никогда не вѣрилъ въ силу мечты, а теперь познаю ее. Мои сны, мои думы полны вами. Вы ненавидите меня, а мнѣ пріятно быть съ вами. Каждое ваше слово дерзость, а для меня оно музыка. Но полно распространяться о

любви: какимъ соловьемъ я ни пой, вы уже не влюбитесь въ меня, а принадлежать мнѣ вы, и безъ того, будете.

Людмила Александровна (*которая, едва, слушая послѣднія слова Ревизанова, горько плакала, прерываетъ его умоляющимъ жестомъ*). Сжальтесь надо мною! Я съ трудомъ сдерживаю себя. Если вы продолжите ваши объясненія, я кончу истерикою. Неужели это также входитъ въ ваши расчеты?

Ревизановъ *встаетъ*. О, нѣтъ. Но надо же выяснить наши отношенія. Послѣдній вопросъ отвѣчайте на него безъ лишнихъ словъ и оскорбленій: согласны вы быть моею?

Людмила Александровна. Нѣтъ.

Ревизановъ. Это окончательный отвѣтъ? Подумайте.

Людмила Александровна. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Ревизановъ. Тогда выслушайте и мое послѣднее слово. Я даю вамъ почти недѣлю срока. Сегодня понедѣльникъ. Если въ субботу я не увижу васъ у себя, ваши письма получатъ огласку.

Людмила Александровна. Въ какую про-

пасть я попала!

Ревизановъ. Такъ какъ же?

Людмила Александровна. Не знаю. Я... я совсѣмъ сбилась съ толка...

Ревизановъ. Я буду считать ваши слова за согласіе.

Людмила Александровна. Нѣтъ! нѣтъ! Ради Бога, нѣтъ! Я должна подумать. Не отнимайте у меня хоть этого права.

Ревизановъ. Какъ угодно. Вся эта недѣля въ вашемъ распоряженіи. Въ субботу я буду ждать васъ до часу ночи. *(Молчаніе)*. Карточку съ моимъ адресомъ позвольте вамъ вручить. До свиданья.

Съ поклономъ уходитъ. Людмила Александровна, рыдая, падаетъ на кушетку.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II

У Ратисовыхъ.

Полутемная гостиная. Изъ дверей налѣво бьетъ яркій свѣтъ, слышенъ гулъ общаго разговора.

Людмила Александровна (*сидитъ одна, въ глубокой задумчивости*). Тьма во мнѣ. Мысли всѣ такія пугливыя, спутанныя... на сердце камень. Разобраться не могу: что я совсѣмъ пропала, безвыходно и безнадежно? или и бояться мнѣ нечего, и опасности никакой нѣтъ, и угрозы Ревизанова просто дерзкое хвастовство нахальнаго человека съ расчетомъ на слабые женскіе нервы? Чего бояться? чего? Есть ли смыслъ Ревизанову, въ его блестящемъ, видномъ положеніи, запятнать, вмѣстѣ съ моимъ, и свое имя! Вѣдь не думаетъ же онъ, что доведенная до позора и отчаянія, я не обличу всей его подлости, всѣхъ его наглыхъ вымогательствъ?.. А все-таки... жутко!

Входятъ Синевъ и Сердецкій.

Синевъ. Что это вы уединились, кузина? да еще въ потемкахъ?

Людмила Александровна. У меня отъ вашей болтовни и смѣха разболѣлась голова.

Сердецкій. Смѣха? Да вы въ теченіе всего обѣда ни разу не улыбнулись.

Людмила Александровна. Зато другіе смѣялись слишкомъ много и громко.

Синевъ. Мы тутъ ни при чемъ: благодарите г. Ревизанова.

Людмила Александровна. Аркадій Николаевичъ, какъ понравился вамъ этотъ господинъ?

Сердецкій. Любопытный типикъ. Я еще не встрѣчалъ такихъ?

Людмила Александровна. Онъ вамъ не противень?

Сердецкій. Мнѣ? Богъ съ вами, душа моя. Люди давно перестали быть мнѣ милы, противны, симпатичны, антипатичны. Для меня общество лабораторія; новый знакомый — объектъ для наблюдений, человѣческой документъ, — и только.

Синевъ. У г. Ревизанова, надо полагать, имѣется приворотный корень. Мы съ вами, Людмила Александровна, одни въ открытой оппозиціи. Аркадій Николаевичъ, какъ хитрый Талейранъ, держитъ нейтралитетъ. А Степанъ Ильичъ и Ратисовъ прямо влюблены: глядятъ Ревизанову въ глаза, поддакиваютъ, хохочутъ на каждую остроту... чортъ знаетъ, что такое!.. Объ Олимпіадѣ Великолѣпной я уже не говорю. Сія рыжая, но глупая Венера прямо потопила его волнами своей симпатіи.

Сердецкій. Вы смѣетесь надъ другими, а сами, кажется, больше всѣхъ заинтересованы имъ, таинственнымъ незнакомцемъ.

Синевъ. Мое дѣло особое.

Сердецкій. Почему же?

Синевъ. Потому, что сколько вору ни воровать, а острога не миновать. У меня есть предчувствіе, что мнѣ еще придется со временемъ возиться съ г. Ревизановымъ въ слѣдственной камерѣ. Сейчасъ онъ разглагольствовалъ, свои убѣжденія развивалъ... Ну, ну! не желалъ бы я попасть въ его лапы.

Людмила Александровна. А!

Синевъ. Вы посмотрите на его физиономію: маска. Нѣжность, скромность, благообразіе; не лицо, а "Руководство хорошаго тона"; губы съ улыбочкой, точно у опереточной примадонны. А въ глазахъ сталь: не зѣвай, молъ, человѣче, слопаю!

Слуга входитъ, открываетъ электричество и уходитъ. Людмила Александровна встаетъ, закрывая глаза рукою.

Э! что съ вами, кузина?

Людмила Александровна. Въ вискахъ нестерпимая стукотня...

Сердецкій. Вы, если очень дурно, домой ѣхали бы...

Людмила Александровна. Нѣтъ, я пойду — прилягу въ будуаръ Липы... дайте мнѣ вашу руку, голова кружится...

Уходитъ, опираясь на Сердецкаго.

Входитъ Митя. Въ столовой хохотъ.

Синевъ. А! юный побѣдитель поношенны-
хъ сердецъ!

Митя. Ты опять дразнишь меня? Такъ я
лучше уйду. Я сегодня не въ духъ.

Синевъ. Нырнулъ въ море унынія?

Митя. На самое дно.

Синевъ. Это съ какой же стати?

Митя. Такъ.

Синевъ. Въ твои годы слово "такъ" перево-
дится на русскій языкъ двояко: или коль за
Цицерона, или огорченіе въ платонической
любви. Ну! кто виновать? Маркъ Туллій или
тетя Липа?

Митя. Ахъ, дядя! Есть чувства...

Синевъ. Ага! уже есть чувства! Браво, Ми-
тя, браво! Ты дѣлаешь успѣхи...

Митя. Тебѣ бы только смѣяться надъ всѣмъ
святымъ... возвышенными.

Синевъ. Не смѣюсь, Митяй, ей Богу, не
смѣюсь, но плачу, горькими слезами плачу,
что она сегодня прицѣпилась репейникомъ
къ Ревизанову, а на тебя — нуль вниманія.

Митя. И что она въ немъ нашла? Толь-
ко-что — капиталистъ!

Синевъ. Да. А ты — только что гимназистъ.

Въ томъ, главнымъ образомъ, между вами и
разница. И вотъ что скверно: замѣчено уче-
ными, что женщины гораздо чаще предпочи-
тають капиталистовъ гимназистамъ, чѣмъ
наоборотъ. Знаешь что? Вызовемъ-ка его на
дуэль?

Митя. А ты думаешь, я не способенъ?

Синевъ. О, смѣю ли я сомнѣваться?

Митя. Я такой! Я, еще въ третьемъ классѣ,
убѣждалъ было въ Америку, къ индѣйцамъ...
Вотъ я какой!

Синевъ. Не дошелъ?

Митя. Вернули... Отъ Тверской заставы.

Синевъ. Жаль! А то бы недурно его... по-
индѣйски: сперва подстрѣлить, а потомъ
скальпировать....а?

Митя (*презрительно пожавъ плечами, де-
кламируетъ изъ "Горя отъ ума"*) Шутить и
вѣкъ шутить какъ васъ на это станеть?

Олимпіада Алексѣевна, появляется въ
дверяхъ столовой.

Олимпіада Алексѣевна (*въ столовую*). Пе-

рейдемъ сюда, господа! Здѣсь не такъ жарко...
А! симпатичный дуэтъ!

Синевъ. Нѣжнаго тенора и коварнаго баритона, тетушка. Коварный баритонъ это я. А вотъ вамъ и синьоръ Деметріо Аморозо, примотеноре.

Митя. Кажется, мы не въ гимназіи... Что за клички!

Синевъ. По шерсти, душенька. Митя. И я очень прошу тебя: говори за одного себя, а меня оставь въ покоѣ... Я не желаю! По какому праву? Это посягательство на личность.

Синевъ. Слова-то, слова-то какія онъ знаетъ! Слушать страшно!

Олимпіада Алексѣевна. Пошла травля! Чуть вмѣстѣ,- ужъ и сцѣпились! Будетъ вамъ!.. Ну-съ, — такъ, о чемъ же вы тутъ поете?

Синевъ. Онъ ревнуетъ, а я накаливаю его до состоянія мстительныхъ эксцессовъ.

Олимпіада Алексѣевна. Какія страсти! Это по чьему же адресу?

Синевъ. По вашему, Липочка.

Олимпіада Алексѣевна. Какая я тебе Липочка?

Синевъ. Послѣ такого обѣда, какъ у васъ,

для меня всякая женщина Липочка.

Олимпиада Алексеевна. Что онъ говорить, Митя! Зажми уши и бѣги вонъ!

Синевъ. Какъ хоръ въ операхъ: бѣжимъ! бѣжимъ! — а сами ни съ мѣста.

Олимпиада Алексеевна. Намъ съ тобою, Митя, и слушать его грѣхъ.

Синевъ. "Намъ съ тобою?!" Уже? Митяй! остерегись! отойди отъ зла и сотвори благо! Не то, недѣли черезъ двѣ, кричатъ тебѣ на всю Москву: "разлюбила ты меня, Кармень!"

Митя. По опыту знаешь?

Олимпиада Алексеевна. Такъ его, такъ его, Митя!

Синевъ. Ай да синьоръ Аморозо! каковъ звѣренокъ, огрызается?! Но, Митя! не растравляй моихъ душевныхъ ранъ!

Олимпиада Алексеевна. Скажите!

Синевъ. Не буди змѣи воспоминаній. И я въ Аркадіи родился.

Олимпиада Алексеевна. Только тебя оттуда вывели.

Синевъ. Вы, Липочка, кажется, въ миѳологіи-то дальше загородной Аркадіи не ушли?

Олимпіада Алексѣевна. А развѣ есть дру-
гая?

Синевъ. Есть.

Олимпіада Алексѣевна. Гдѣ же?

Синевъ. На своемъ мѣстѣ. Спросите класси-
ка. Онъ знаетъ.

*Когда я былъ ар-
кадскимъ принцемъ,
Я тетю Ли-
пу полюбилъ...*

*О-о-
охъ!*

*А-а-ахъ! Я тетю
Липу полюбилъ!*

Олимпіада Алексѣевна. Шутъ!.. Митя! а ты
хочешь быть аркадскимъ принцемъ?

Синевъ. Подумай, братецъ! не торопись
отвѣтомъ. Помни: всѣ, аркадскіе принцы ка-
лифы на часъ... А потомъ ихъ спускаютъ че-
резъ трапъ прямо въ адъ, съ разжалованіемъ
въ Ваньки Стиксы.

Митя. Такъ что, дядя, ты теперь выходишь
Ванька Стиксъ?

Олимпіада Алексѣевна. Bravo, Митя!

Синевъ. И вы противъ меня, аркадская

пастушка? Вы, значить, собираетесь разыграть меня въ четыре руки? Нѣтъ, слуга покорный! Я уступаю и отступаю...

*Когда я былъ ар-
кадскимъ принцемъ,
Когда я былъ ар-
кадскимъ при-и-инцемъ...*

Попятившись, наступаетъ на ногу Ратисову, который, вмѣстѣ съ Верховскимъ и Ревизановымъ, входитъ изъ столовой.

Ратисовъ. Охъ, если это у васъ называется отступать, то каково же вы наступаете?

Синевъ. Виновать, дядюшка.

Ратисовъ. Богъ проститъ. А каламбурчикъ мой замѣтили?

Синевъ. Прелестъ. Вы всегда каламбурите или только когда вамъ наступятъ на мозоль?

Ратисовъ. У меня юморъ брызжетъ.

Синевъ. Вы бы въ юмористическіе журналы писали, а?

Ратисовъ. Пишу.

Синевъ. Ой ли? И ничего, печатають?

Ратисовъ. Съ благодарностью.

Синевъ. Скажите!

Ратисовъ. Цѣнятъ. Вы, говорятъ, ваше превосходительство, юмористъ *pur sang*, а нравственности у васъ что у весталки. Вы не какой-нибудь борзописецъ съ улицы, но патрицій-съ, аристократъ сатиры. Этакаго чего-нибудь рѣзкаго, съ густыми красками, слишкомъ смѣшного, не семейнаго, у васъ ни — ни.

Синевъ. Подъ псевдонимцемъ качаете?

Ратисовъ. Разумѣется. "Дѣйствительный юмористъ", это я. Я было хотѣлъ подписываться "дѣйствительный статскій юмористъ" — этакъ слегка намекнуть публикѣ, что я не кто-нибудь, не праздношатающій бумагомаратель. Но цензура воспротивилась. Оставила меня безъ статскаго... Мысль! Позвольте карандашикъ.

Синевъ. Вдохновеніе заиграло?

Ратисовъ. Мысль: дѣтей оставляють безъ сладкаго, а меня оставили безъ статскаго... Правда, хорошо?

Синевъ. Изумительно!

Ратисовъ. Запишу и разработаю па досугъ...

Пишетъ. Синевъ отходить къ Олимпіадъ Алексѣевнѣ, которая въ сторонѣ бесѣдуетъ съ Митей.

Митя. Вотъ вы все надо мною смѣетесь, а я... я даже Добролюбова читаль, ей Богу. Хоть весь классъ спросите... Ужъ я такой! Я могу понимать: у меня серьезное направленіе ума...

Смолкаетъ при приближеніи Синева. Всѣ трое остаются въ глубинѣ сцены, въ тихомъ шутливомъ разговорѣ.

Верховскій. Какъ угодно, Андрей Яковлеви-чъ, а все это софизмы.

Ревизановъ. Какъ для кого.

Верховскій. Вы меня въ свою вѣру не обратите.

Ревизановъ. Я и не пытаюсь. Помилуйте.

Верховскій. Я даже позволяю себѣ думать, что это и не ваша вѣра.

Ревизановъ. Напрасно. Почему же?

Верховскій. Вѣра безъ дѣлъ мертва, а у васъ слова гораздо хуже вашихъ дѣлъ.

Ревизановъ. Спасибо за лестное мнѣніе.

Верховскій. На словахъ, вы мизантропъ и властолюбецъ.

Ревизановъ. Я, дѣйствительно, люблю власть и, въ огромномъ большинствѣ, не уважаю людей.

Верховскій. Однако вы постоянно дѣлаете имъ добро?

Ревизановъ. Людямъ? Нѣтъ.

Верховскій. Какъ нѣтъ? Вы строите больницы, училища, тратите десятки тысячъ рублей на разныя общепользныя учрежденія... Если это не добро, то что же по-вашему?

Ревизановъ. Кто вамъ сказалъ, что я дѣлаю все это для людей и что дѣлаю съ удовольствіемъ?

Верховскій. Но...

Ревизановъ. Мало ли что приходится дѣлать! Жизнь взятокъ требуетъ. Только и всего.

Ратисовъ. Андрей Яковлевичъ клевететь на себя. Онъ дѣлаетъ добро инстинктивно.

Онъ хочетъ, самъ не сознавая того, отслужить свой долгъ предъ обществомъ, которое его возвысило.

Ревизановъ. Долгъ!.. Отслужить!..

Верховскій. Вы смѣтаете?

Ревизановъ. Нѣтъ. Я только нахожу эти слова неестественными. Зачѣмъ человекъ будетъ служить обществу, если онъ въ состояніи заставить общество служить ему? Къ чему обязываться чувствомъ долга, когда имѣешь достаточно смѣлости, чтобы покоряться лишь голосу своей страсти?

Верховскій. Сколько вамъ лѣтъ?

Ревизановъ. Сорокъ четыре

Верховскій. Мнѣ пятьдесятъ шесть...

Странно. Разница не такъ ужъ велика... а, — извините меня! — я не понимаю васъ, мы словно говоримъ на разныхъ языкахъ.

Ревизановъ. Да, такъ оно и есть. Я говорю на языкъ природы, а вы на языкъ культуры. Вы толкуете о господствѣ долга, а я о господствѣ страсти. Вы стоите на исторической, условной точкѣ зрѣнія, а я на абсолютной истинѣ. Вамъ нравится, чтобы ваша личность исчезала въ обществѣ; я напрягаю всѣ силы,

чтобы, наоборотъ, поставить свою волю выше общей.

Синевъ (*издали*). Вотъ какъ!

Ревизановъ. Вы что-то сказали?

Синевъ. Простите, пожалуйста, но вы мнѣ напомнили... впрочемъ, неудобно рассказывать: не совсѣмъ ловкое сближеніе...

Ревизановъ. Не стесняйтесь.

Синевъ. Я уже слышалъ вашу фразу недавно, на допросѣ одного интеллигентнаго... убійцы съ цѣлью грабежа. Онъ, между прочимъ, тоже опредѣлялъ преступленіе, какъ попытку выдѣлить свою личную волю изъ воли общей, поставить свое я выше общества.

Ревизановъ. Да, въ сознательномъ преступленіи есть этотъ оттѣнокъ.

Верховскій. И преступленіе обычная дорога къ вашему излюбленному царству страсти.

Ревизановъ. Бываетъ.

Верховскій. Хорошая дорога, скажете?

Ревизановъ. По крайней мѣрѣ, хоть куда-нибудь приводитъ.

Верховскій. Помилуйте! да если всѣ станутъ такъ думать и жить... что же это будетъ? Въдѣ въ такой компаніи люди пожрутъ другъ

друга.

Ревизановъ. Что же? Горе побѣжденнымъ....

Входятъ Людмила Александровна и Сердецкій. Людмила Александровна садится въ тѣни, въ глубинѣ сцены.

Синевъ. Все это прекрасно, Андрей Яковлевичъ теоріи можно разводять всякія, и, пока ваше царство страсти остается въ мірѣ, такъ сказать, умозрительномъ, намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, можно съ грѣхомъ пополамъ жить на свѣтѣ. Но скверно, что изъ теоретической? области то и дѣло проскальзываютъ фантомы въ действительную жизнь.

Ревизановъ. А вы ихъ ловите и отправляете въ мѣста не столь и столь отдаленныя. Это ваше право.

Синевъ. Да, вѣдь всѣхъ не переловишь.

Ревизановъ. А не поддаваться ихъ право.

Синевъ. Иного и схватишь, нить! Скользко, какъ угорь, вывернется и уйдетъ въ мутную воду. Законъ — дѣло рукъ человѣческихъ, а преступленіе дѣло природы.

Законъ имѣеть рамки, а преступленіе нѣтъ. Законъ гонится за преступленіемъ, да не всегда его догоняетъ. Да вотъ вамъ примѣръ. Вчера я слышалъ одну исторію: попробуйте преслѣдовать ея героя по закону...

Олимпиада Алексѣевна, (*отрываясь отъ разговора съ Митей*). Если что-нибудь страшное, не рассказывай: я покойниковъ боюсь.

Синевъ. Дѣло на Уралѣ.

Ревизановъ. Знакомыя мѣста.

Синевъ. Герой мѣстный Крезъ, скучающій россиянинъ изъ любимаго вами, Андрей Яковлевича типа людей страсти и личнаго произвола...

Верховскій. Проще сказать: самодуръ.

Сипевъ. Но образованный, замѣтьте.

Ревизановъ. Есть тамъ такіе. Ну-съ?

Синевъ. Развлеченія ради, задумался этотъ Крезъ влюбиться въ нѣкоторую барыньку, жену довольно вліятельнаго въ тѣхъ мѣстахъ лица... Барынька оказалась не изъ податливыхъ...

Сердецкій. Крезъ поклялся, что возьметъ ее, во что бы то не стало...

Синевъ. Откуда вы знаете?

Сердецкій. Предположилъ по шаблону, всегда такъ бываетъ.

Синевъ. Да... И началъ орудовать. Да вѣдь какъ! Супругъ упрямой красавицы до тѣхъ поръ отлично шелъ по службѣ, а теперь вдругъ, ни съ того ни съ сего, запутался въ какихъ-то упущеніяхъ, попалъ подъ судъ и вылетѣлъ въ отставку съ запачканнымъ формуляромъ. Въ обществѣ пошли гадкіе слухи о поведеніи молодой женщины. Репутація несчастной была разбита, семейная жизнь ея превратилась въ адъ. Знакомые отъ нея отвернулись, мужъ вколачивалъ жену въ гробъ ревностью, родныя дѣти презирали ее, какъ развратную женщину...

Людмила Александровна. Ахъ!

Синевъ. А? что? вамъ опять нехорошо, кузина?

Людмила Александровна. Не обращайтесь на меня вниманія: такъ... приступъ мигрени...

Олимпіада Алексѣевна. Ну, а конецъ-то, конецъ твоего романа?

Синевъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ...

Сердецкій. Послѣ ужасной семейной сцены...

Синевъ. Вы, Аркадій Николаевичъ, невозможны съ вашею прозорливостью. Ну-да, послѣ ужасной семейной сцены, горемычная барынька ушла, въ чемъ была, изъ дома и постучалась таки...

Сердецкій. Къ Крезу.

Ревизановъ. Что и требовалось доказать.

Верховскій. Вотъ видите, Андрей Яковлевичъ.

Ревизановъ. Виновать. Позвольте, господа. Чего вы отъ меня хотите? Что-бы я не осудилъ этотъ поступокъ? Осуждаю. Но вѣдь я не утверждалъ, что люди страсти хорошіе люди. Я только говорилъ, что это люди, которые хотятъ быть счастливыми, умѣютъ брать свое счастье съ боя и ради него на все готовы...

Людмила Александровна. На все?!

Ревизановъ. Я раньше слыхалъ вашу исторію, Петръ Дмитріевичъ, и хорошо знаю ея героя.

Синевъ (*въ сторону*). Мѣдный лобъ!

Ревизановъ. Это, дѣйствительно, упрямый и страстный человѣкъ.

Людмила Александровна (*не глядя на него, издала*). А... а совѣсть? упрекаетъ его ко-

гда-нибудь?

Ревизановъ (окидываетъ ее внимательнымъ взоромъ... послѣ краткаго молчанія, рѣшительно). Не думаю.

Людмила Александровна, съ тихимъ содроганіемъ, поникаетъ головою.

Олимпіада Алексѣевна. Скучная твоя исторія, Петя. Я думала, онъ ее убьетъ или она его.

Синевъ. Да вы же покойниковъ боитесь?

Олимпіада Алексѣевна. Я только утопленниковъ, если въ водѣ долго пробыли, а, если съ револьверомъ, ничего... даже интересно.

Синевъ. Жестъ красивъ?

Олимпіада Алексѣевна. Вотъ именно.

Ратисовъ. Господа, отвлеченности вещь хорошая, только, знаете ли, винта они все-таки не замѣнятъ.

Синевъ. Демосѡенъ глаголетъ вашими устами, дядюшка.

Ратисовъ. У меня въ кабинета уже приготовленъ столикъ.

Верховскій. Такъ что же мы теряемъ золотое время?

Олимпіада Алексѣевна (*Ревизанову*). Какъ? развѣ вы играете?

Ревизановъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ.

Митя. Опять она къ нему!

Синевъ (*напѣваетъ Митѣ*). Пойметъ ли кто души моей волненье?

Олимпіада Алексѣевна (*Ревизанову*). Такъ что и теперь?

Ревизановъ. Соблазняюсь.

Олимпіада Алексѣевна. А я было хотѣла показать вамъ нашъ зимній садъ...

Синевъ. Знаемъ мы этотъ зимній садъ, сами хаживали...

Митя. О!!!..

Олимпіада Алексѣевна. Это — мой любимый уголокъ... такой поэтический...

Митя. Смотрѣть такими глазами на какой-то денежный мѣшокъ!

Синевъ. Говорю тебѣ: гимназистамъ при капиталистахъ не везетъ.

Ратисовъ (*изъ кабинета*). Андрей Яковлевичъ! Петруша! Что же вы, господа? Ждемъ.

Ревизановъ. Вы слышите...

Уходитъ.

Олимпіада Алексѣевна. Ну, пропустилъ моментъ — тебѣ же хуже. Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ.

Синевъ (хохочетъ). Сорвалось!

Олимпіада Алексеевна. Митя... Ты видѣлъ въ нашемъ зимнемъ саду новую бесѣдку?

Синевъ. Нѣтъ, видно, и гимназистамъ иной разъ бываетъ удача...

Отходить къ Сердѣцкому, смѣясь, говорить съ нимъ.

Митя. Новую бесѣдку? Нѣтъ-съ, не видалъ. Да, и видѣть не желаю. Показывайте господину Ревизанову!

Олимпіада Алексеевна. Ай, какой Отелло! Вздоръ! Вздоръ!.. Давай руку. Изволь провожать меня... сегодня ты мой аркадскій принцъ.

Митя. Что вы хотите этимъ сказать?

Олимпіада Алексѣевна. Ты слышалъ...

Митя. Я — такой!.. Я не умѣю шутить любовью. У меня чувства. Я не понимаю легкихъ отношеній къ женщинѣ.

Олимпіада Алексѣевна. Ахъ, батюшки! что же? Бѣжимъ вдвоемъ на необитаемый островъ?

Митя. Я, коли что, на всю жизнь. У меня это просто. Весь классъ знаетъ...

Олимпіада Алексѣевна. Да ты руку-то дай.

Митя. Руку?.. Руку извольте. А только я легкихъ отношеній не понимаю. Я такой!

Идутъ къ дверямъ.

Синевъ. Тетушка! Вы не Олимпіада, — вы Иродіада!!!

Олимпіада Алексѣевна. Что такъ?

Синевъ. Младенцевъ избивать стали.

Митя. Опять дразнишься? Чортъ бы тебя побралъ.

Олимпіада Алексѣевна и Митя ухо-

дять. Синевъ хочетъ войти въ кабинетъ. Людмила Александровна его окликаешъ.

Людмила Александровна. Петръ Дмитриевичъ.

Синевъ. Я, кузина.

Людмила Александровна. Этотъ Ревизановъ... герой... герой вашей исторіи... не правда ли?..

Синевъ молча и выразительно показываетъ въ сторону Ревизанова.

Людмила Александровна. Благодарю васъ.

Синевъ ушелъ.

Сердецкій. Что съ вами сегодня?

Людмила Александровна. Ничего... нездоровится немного... право, не обманываю.

Сердецкій. Ничего? А мнѣ кажется, очень много. И кажется, что нездоровится не тѣлу вашему, по душѣ. И еще кажется... говорить

что ли?

Людмила Александровна. Какъ хотите...

Сердецкій. Что виновата въ вашемъ разстройствѣ этотъ господинъ...

Людмила Александровна. Ревизановъ? Вздоръ какой... Вы, Аркадій Николаевичъ, по старой памяти, всегда нѣсколько ревнивы къ новымъ лицамъ.

Сердецкій (смѣясь). Можетъ быть, можетъ быть... Хотя Ревизановъ не совсѣмъ новое лицо. Онъ, такъ сказать, лишь "въ первый разъ по возобновленіи"... и... и вы любили его когда-то.

Людмила Александровна. А! Вы могли бы не напоминать мнѣ... Какой позоръ! какой ужасъ!

Сердецкій. Онъ не позволилъ себѣ намекнуть на ваши прошлыя отношенія?

Людмила Александровна. Нѣтъ, нѣтъ!

Сердецкій. Я замѣтилъ два — три странныхъ взгляда, брошенныхъ имъ на васъ.

Людмила Александровна. Что же они говорили?

Сердецкій. По-моему, смыслъ ихъ былъ: "старая любовь не ржавѣетъ"...

Людмила Александровна. Ха-ха-ха! Бѣднѣйшій Аркадїй Николаевичъ! Вы такъ любите меня, что воображаете, будто всѣ смотрятъ на меня вашими глазами... Голубчикъ! Гдѣ намъ побѣждать такихъ избалованныхъ Донъ-Жуановъ? Я молода и недурна собою только для вашей влюбленной слепоты.

Сердечкѣй. Нѣтъ. Вы очень хороши собою, на какой угодно избалованный вкусъ. А этихъ пресыщенныхъ прихотниковъ я знаю. Подобный господинъ способенъ преслѣдовать васъ даже безъ всякой любви, а просто потому, что вотъ оригинально: потому, что вы Верховская, что у васъ чудная репутація, что у васъ взрослые дѣти, что у васъ нѣтъ и никогда не было любовника, и что есть свинское блаженство осквернить все это, растоптать, залить грязью... Если г. Ревизановъ вздумаетъ надоѣдать вамъ, и вамъ нуженъ будетъ другъ, вы, я надѣюсь, знаете, гдѣ его искать?

Людмила Александровна (*преодолевая свое волненіе, шутливо кладетъ руку на его голову*). Гдѣ же, какъ не въ этомъ старомъ, сѣдомъ человѣкѣ, съ юношескимъ сердцемъ и влюб-

ленными глазами... Ахъ, вы, рыцарь мой!

Сердецкій (цѣлуетъ ея руку). Ну, вотъ, вы шутите, и я спокоенъ... А слова мои все-таки попомните. До свиданья: мнѣ пора въ редакцію, и я уйду на французскій манеръ, не прощаясь съ хозяевами. Пусть винтятъ. До свиданья.

Уходитъ, но возвращается отъ дверей и пытливо смотритъ въ глаза Людмилѣ Александровнѣ, взявъ ее за обѣ руки.

Такъ ничего нѣтъ, ничего?

Людмила Александровна. Да что это, право? Мнительность какая! Ахъ, Аркадій Николаевичъ!

Сердецкій. Ну, ну, не сердитесь... не буду, не буду, я уже ушелъ, ушелъ... Всего вамъ хорошаго, моя золотая.

Въ дверяхъ смотритъ на нее въ полъ-оборота.

Эхъ! Да когда же я, старый чортъ, любить-то ее перестану?

Уходить.

Людмила Александровна (одна). Чувствую... Признаться просить... Да ни за что! никогда! На пытку пойду, пусть меня клещами рвутъ не признаюсь!.. Ну что же?... Кончено: побѣждена. Въ чьихъ я рукахъ! въ чьихъ рукахъ!.. Боже мой! Я такъ слаба, а онъ такъ силенъ и золь. Хочешь ты испытать, какъ разгнѣванный мужъ, въ бѣшенствѣ, отталкиваетъ развратную жену? хочешь ты услыхать позорную брань изъ устъ своихъ дѣтей?.. Дѣти мои! милыя! Вы растете, всѣ вами любятъ, какія вы добрыя, честныя. Кто васъ ро-стилъ, кто училъ, кто жилъ съ вами одною жизнью? Я! Все я! И теперъ показать вамъ, что я всю жизнь лгала и прятала подъ красивыми словами позорное прошлое? Нѣтъ, я должна спасти себя отъ презрѣнiя дѣтей, потому что должна спасти ихъ отъ ненависти ко мнѣ. Если человѣку противна родная мать,

что же уважать остается ему на свѣтъ? Пусть я стану еще порочнѣе и хуже, но лишь предъ самую собой. Моя семья останется счастливой, а за мои грѣхи я отвѣчу предъ Богомъ...

Въ кабинетѣ хохотъ.

Верховскій. Ха-ха-ха! безъ трехъ, милый Андрей Яковлевичъ! безъ трехъ!.. Ха-ха-ха! Помилуйте, господа, могъ ли я предполагать, что сажусь играть съ такими мастерами?

Синевъ. Скромничаете, дяденька, скромничаете! знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете.

Ревизановъ. Хорошо, что моя очередь выходить... Хоть духъ переведу, а то просто въ жаръ бросило...

Людмила Александровна. Будь, что будетъ. Мною держится мой домашній очагъ. Онъ даетъ свѣтъ и тепло слишкомъ многимъ. Я не имѣю права разрушать его...

(Ревизановъ выходитъ изъ кабинета. Онъ молча смотритъ на Людмилу Александровну.)

Она, вся трепещущая, сжимается, какъ отъ холода. Нѣмая сцена.)

Людмила Александровна (послѣ долгаго молчанія, почти шепотомъ). Я буду у васъ... я... я повинуюсь.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III

Роскошный номеръ въ московской первоклассной гостиницѣ. Вечеръ.

Ревизановъ одинъ у письменнаго стола. *Леони*, въ короткой кофточкѣ, въ шапочкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, тихо входитъ.

Леони. Ohe! mon gros... вотъ и я! Ты занятъ? Я мѣшаю?

Ревизановъ. И очень.

Леони. Я на одну минуту

Ревизановъ. Почему ты не въ циркъ?

Леони. Я скачу въ третьемъ отдѣленіи, предпоследнимъ номеромъ. Воспользовалась свободнымъ временемъ, заѣхала къ тебѣ не утерпѣла... Ah, vieux cochon! Я таки люблю тебя немножко...

Садится.

Ревизановъ. Гмъ... Гмъ...

Леони. Сколько бумагъ! и все дѣловыя!
Ревизановъ. Конечно.

Леони. Даже... даже вотъ этотъ голубой листокъ.

Ревизановъ (*слегка ударилъ ее по рукѣ и прячетъ письмо въ карманъ*). Оставь.

Леони. Ахъ, извините. Я не знала...

Ревизановъ не отвѣчаетъ.

Леони. Знаешь ли, этотъ дѣловой документъ очень похожъ на письмо отъ женщины.

Ревизановъ. Ты находишь?

Леони. Отъ кого эта записка?

Ревизановъ. Это не твое дѣло.

Леони. Однако, мой милый, вы становитесь не слишкомъ-то любезны въ послѣднѣе время.

Ревизановъ. Можетъ быть.

Леони. Я не знаю, чѣмъ это милое настроеніе вызывается у васъ. Можетъ быть, у васъ дѣла не хороши? Можетъ быть, вы влюблены неудачно? Но, во всякомъ случай,

я не желаю, чтобы на мнѣ срывали дурное расположеніе духа. Я къ этому не привыкла.

Ревизановъ. Не трещи... надоѣла.

Леони (*вскочила*). Я запрещаю вамъ говорить со мною въ этомъ тонѣ. Леони никто еще не говорилъ, что она надоѣла.

Ревизановъ. Ну, а я говорю.

Леони (*топнула ногою, въ гнѣвныхъ слезахъ*). Это гнусно, гнусно такъ обращаться съ женщиной.

Ревизановъ. Да полно, пожалуйста! Что за трагедія? Я никакъ съ тобою не обращаюсь. Ты бѣснуешься и ругаешься, а я нахожу, что это скучно, вотъ и все.

Леони. Если вамъ скучно со мною, отпустите меня, разойдемся. Не вы одинъ любите меня, я найду свое счастье съ другимъ.

Ревизановъ. Съ другими, Леони, съ другими, надо быть точною въ выраженіяхъ.

Леони. Вы никогда не любили меня, если можете шутить со мною такъ обидно.

Ревизановъ. Разумѣется, никогда. Кажется, у насъ, когда мы сходились, и разговора объ этомъ не было. А ты развѣ любила меня и любишь? Вотъ была бы новость.

Леони (*горько*). Нѣтъ, этой новости вы не услышите... Я васъ, конечно, и не люблю, и не уважаю... вы для меня просто мѣшокъ, откуда можно брать деньги... не такъ ли?

Ревизановъ. Не знаю, какъ по-твоему, по-моему, такъ. Да я ни на что болѣе и претензій не имѣю. Я плачу и не жалуясь. Ты очень эффектная и занимательная женщина...

Леони. А, главное, въ модѣ. Такъ пріятно, вѣдь, чтобы вся Москва кричала: вотъ Ревизановъ, который отбилъ знаменитую Леони у князя Носатова.

Ревизановъ. Не скрываю: и это не безъ пріятности.

Леони. Вотъ этой-то славы у васъ и не будетъ больше. Не будетъ у васъ Леони. Кусайте себѣ тогда локти... и утѣшайтесь вонъ съ этою, которая пишетъ вамъ письма... виновата, дѣловые документы — на голубой бумагѣ.

Ревизановъ. Будетъ другая слава, и гораздо болѣе пикантная... Станутъ говорить: вотъ Ревизановъ знаете, тотъ самый, который выгналъ отъ себя знаменитую Леони.

Леони (*бѣшенымъ крикомъ*). Lache!
Ревизановъ (*тихо*). Пошла вонъ!

Нѣмая сцена. Леони подѣ взглядомъ Ревизанова пятится къ дверямъ, какъ звѣрь отъ укротителя.

Леони издали грозить хлыстомъ.

Леони. Васъ слѣдовало бы вотъ этимъ!

Ревизановъ грозно поднимается съ мѣста и дѣлаетъ къ Леони два шага. Она, струсивъ, бросаетъ въ него хлыстомъ и убѣгаетъ.

Ревизановъ (*поднял хлысть, осмотрѣлъ его, подавилъ пружину, ручка хлыста отскакиваетъ, обнаруживая потайной кинжалъ*). Изящная вещичка. Сохранимъ на память объ освобожденіи отъ иноплеменницы... Не прилетѣла бы она мириться? Вотъ было бы не кстати.

Бросаетъ хлысть на письменный столъ и звонить. Вошедшему

человѣку.

Юганъ, замѣтили вы даму, которая отъ меня вышла?

Человѣкъ. Мадамъ Леони?

Ревизановъ. Да. Меня для нея нѣтъ дома.

Человѣкъ. Слушаю-съ.

Ревизановъ. Передайте это швейцару. А затѣмъ приготовьте столъ, дайте фруктовъ, крушонъ, цвѣтовъ получше... У меня ужинаетъ другая дама... Да! Скажите швейцару: не надо, чтобы ее видѣли. Пусть проведетъ какъ-нибудь поосторожнѣе. Ну, живо!

Человѣкъ уходитъ.

Ревизановъ (*вынимаетъ изъ кармана спрятанное письмо*). "Очень можетъ быть, что письмомъ этимъ я дѣлаю новую ошибку и даю вамъ новое оружіе противъ меня. Но все равно. Если вы хотите погубить меня, то погубите и безъ этихъ жалкихъ строкъ. Я въ послѣдній разъ пытаюсь смягчить ваше сердце. Сжальтесь, оставьте меня въ покоѣ. На что

я вамъ? Мало ли женщинъ красивѣе меня? Я не молода, я мать семейства, у меня взрослые дѣти. Пощадите мою совѣсть. Какъ я буду смотрѣть имъ въ глаза? Отпустите меня на волю! Клянусь, я буду благодарна вамъ, какъ благодѣтелю. Вы приобрѣтете друга, вѣрнаго и преданнаго, какого у васъ еще не было"... *(Прячетъ письмо въ бумажникъ)*. Мнѣ противъ воли жаль ее. Но отказаться отъ нея невозможно. Она зацѣпила меня слишкомъ крѣпко. "Не молода"... "мало ли красивѣе меня"... Развѣ любятъ за молодость, за красоту? Любятъ потому, что любится. Любятъ не женщину, но свою прихоть къ ней. Она дорога мнѣ, потому что съ нею надо бороться, надо покорить ее, завоевать... Уступить ей сейчасъ значить быть побѣжденнымъ во второй разъ... Ни за что! *(Входитъ человекъ)*. Что вамъ?

Человекъ *(подаетъ карточку)*. Желаетъ васъ видѣть.

Ревизановъ. Синевъ? Такъ поздно? Вотъ не вовремя. *(Смотритъ на часы)*. Успѣю сплать. Просите.

Синевъ входитъ, слегка навеселѣ.

Синевъ. Андрей Яковлевичъ извините, что я не званый и яко тать въ полунощи...

Ревизановъ. Всегда радъ вамъ, Петръ Дмитріевичъ, душевно радъ.

Синевъ. Да что вамъ радоваться-то? Что я для васъ представляю? Такъ, грубіянь — мальчишка, моська — знать, она сильна, что лааетъ на слона.

Ревизановъ. Батюшки! что за униженіе па-че гордости.

Синевъ. Да, право. Я вѣдь къ вамъ съ повинною, ей Богу, съ повинною. Обѣдали это мы сейчасъ съ товарищами, и вдругъ говорятъ мнѣ, что вы вчера за всѣхъ нашихъ студіозовъ недостаточныхъ плату въ университетъ внесли. До земли вамъ поклонъ! Великолѣпно, батенька!

Ревизановъ. Что тутъ великолѣпнаго! Вы же мой взглядъ на благотворительность знаете. Еще одна неизбѣжная взятка обществу. Только и всего.

Синевъ. Э, батенька! дудки! Теперъ не обморочите. Знаемъ мы, какъ васъ понимать,

притворщикъ вы!.. Мы за ваше здоровье три бутылки клико осушили. Замѣтно?

Ревизановъ. Не очень.

Синевъ. Ну, бутылки высохли, а душа размякла.

Ревизановъ. И нашель покаянный стихъ?

Синевъ. Думаю, вотъ человекъ, къ которому я несправедливъ. Онъ всегда ко мнѣ внимателенъ, ласковъ, любезенъ, всею душою ко мнѣ, а я противъ него все на дыбы, да на дыбы.

Ревизановъ. Это вы о нашихъ дебатахъ у Верховскихъ?

Синевъ. Да... и о многомъ. Вотъ же, думаю, докажу справедливость сейчасъ же пойду, за студіозовъ руку ему пожму, да кстати и за всю свою наглость извинюсь.

Ревизановъ. Въ томъ числѣ, и за исторіюку объ уральскомъ Крезѣ?

Синевъ. Фу! какое это было мальчишество!.. Андрей Яковлевичъ!

Ревизановъ. Не беспокойтесь, я не сержусь.

Синевъ. Меня стоило за уши выдрать, а вы великодушно промолчали.

Ревизановъ. Я въ такихъ случаяхъ всегда молчу.

Синевъ. А, знаете, опасная система.

Ревизановъ. Почему?

Синевъ. Молчаніе могутъ принять за знакъ согласія.

Ревизановъ. А мнѣ какое дѣло? Пусть принимаютъ.

Синевъ. Андрей Яковлевичъ, да вѣдь нехорошо... сознайтесь, что было нехорошо.

Ревизановъ. Хорошо или нехорошо, а не перемѣнишь, если было. Хвалиться нечѣмъ, а отрекаться гордъ.

Синевъ. Смѣлый вы человекъ.

Ревизановъ. Да, робѣть не въ моихъ правилахъ. Дѣло въ томъ, Петръ Дмитриевичъ, что, если человекъ самъ сознаетъ въ себѣ преступника и не боится имъ остаться, такъ трусить посторонней болтовни и считаться съ нею ему нечего.

Синевъ. Послушайте! это...

Ревизановъ (*смѣется*). Нѣтъ, вы погодите хватать меня за шиворотъ. Я не дамся. Я если и преступникъ, то на законныхъ основаніяхъ.

Синевъ. Чортъ знаетъ, что такое! Съ вами

разговаривать что по канату ходить.

Ревизановъ. Однажды я поссорился съ нѣкоторымъ банкиромъ. Взорвалъ его на воздухъ: лопнулъ банкиръ, бѣжалъ въ Америку. Десятки семействъ разорились, были случаи убійствъ, сумасшествій.

Синевъ. Что же, изъ этого слѣдуетъ?

Ревизановъ. Недавно я сыгралъ на пониженіе черепановскихъ акцій, заработалъ полъ-милліона, но опять пустилъ по міру десятки, можетъ быть, даже сотни людей...

Синевъ. Ну, что же, конечно... Но вы дѣйствовали въ предѣлахъ своего права...

Ревизановъ. Если вы считаете меня въ правѣ убивать сотню человѣкъ крахомъ банка, почему мнѣ не убить одного человѣка ножомъ?

Синевъ. Софизмъ, батюшка, старые софизмы. Да еще съ пресквернымъ ароматомъ: Сибирью пахнутъ.

Ревизановъ. Такъ бы я и позволилъ вамъ отправить меня въ Сибирь.

Синевъ. Тутъ позволенія не спрашиваютъ.

Ревизановъ. Между мною и Сибирью три

барьера: ловкость, смѣлость и богатство.

Синевъ. Деньгами отъ уголовщины не от-
вертитесь.

Ревизановъ. Будто?

Синевъ. Замять уголовное дѣло? Да ни за
сто тысячъ.

Ревизановъ. За инья дѣла платятъ и боль-
ше.

Синевъ. Порядочному человѣку это безраз-
лично.

Ревизановъ. Порядочному? А вы имѣли ко-
гда-нибудь въ своемъ распоряженіи сто ты-
сячъ?

Синевъ. Конечно, нѣтъ.

Ревизановъ. Хорошая сумма. Круглая.

Синевъ. Какая бы ни была.

Ревизановъ. Вы безкорыстны. Это дѣлаетъ
вамъ честь.

Синевъ. Подкупъ? Ну, сегодня вы откупи-
тесь, завтра, послѣзавтра... но не монетный
же вы дворъ, чтобы постоянно выбрасывать
тысячи изъ кармана.

Ревизановъ. Да и не каторга же я вопло-
щенная, чтобы постоянно нуждаться въ под-
купѣ...

Входитъ челоѡкъ и начинаетъ сервировать столъ.

Синевъ. Э, да вы ждете кого-то?

Ревизановъ. Есть тотъ грѣхъ.

Синевъ. Даму?

Ревизановъ. Увы!

Синевъ. И деликатничаетъ, не скажетъ, а я-то разсѣлся... Гоните меня безъ церемоніи въ шею.

Ревизановъ. Ну, въ шею, зачѣмъ же? А вотъ, если бы вы теперь сами ушли, я васъ задерживать не буду.

Синевъ. Знаю, батюшка, знаю вашу даму. Шикъ на всю Москву.

Ревизановъ. Посошекъ на дорожку?

Синевъ. Охъ, мнѣ-то ужъ и многовато, пожалуй... Ну, да съ такимъ занятнымъ челоѡкомъ.

Пьютъ.

Ревизановъ. А завтра вы у меня обѣдаете.

Синевъ. Не могу, Андрей Яковлевичъ, завтра воскресенье, я абонированъ Верховскими.

Ревизановъ. Ага. Тогда въ понедѣльникъ. Кланяйтесь Верховскимъ.

Синевъ. Верховскому solo. Людмила Александровна уѣхала.

Ревизановъ. Да?

Синевъ. Въ деревню, къ теткѣ... помните Алимову Елену Львовну?

Ревизановъ. Еще бы. Почтенная старушка, Когда же?

Синевъ. Сегодня въ четыре часа. Я провожалъ. Она вчера сразу надумала и собралась ѣхать.

Ревизановъ. Елена Львовна! Сколько лѣтъ я ея не видалъ... Друзьями были... Скажите: давно она стала землевладѣлицею? Я что-то не помню, чтобы у нея было имѣніе.

Синевъ. Помилуйте! Вы забыли! Родовое чудное имѣніе въ Рязанской губерніи. Ея земля въ двухъ верстахъ отъ Осиновки. Знаете, большой буфетъ?

Ревизановъ. Какъ же, зналъ. *(Смотритъ на часы)*. Петръ Дмитриевичъ, простите...

Синевъ. Помилуйте, что вы? Развѣ я не понимаю? До пріятнѣйшаго свиданія.

Ревизановъ. А еще стаканчикъ? прощальный? а?

Синевъ. Ну, васъ! Мефистофель!

Пьютъ.

Больше и не просите. До пріятнѣйшаго!

Уходитъ.

Ревизановъ. Лекокъ тоже! Хочетъ читать въ сердцахъ, а изъ самого качай вѣсти, какъ воду изъ колодца... Итакъ, уѣхала... Гмъ... признаюсь, это довольно неожиданно... *(Беретъ съ этажерки желѣзнодорожный путеводитель и перелистываетъ)*. Гмъ... четыре часа... Осиновка... такъ, такъ... Ха-ха-ха! А встрѣчный-то поѣздъ въ Малиновыхъ Зоряхъ? Я и забылъ... *(Человѣку)*. Юганъ! Завтра вы разбудите меня въ одиннадцать. Больше носа сюда не показывать. Маршъ!

Человѣкъ уходитъ.

Ну, а если этотъ отъѣздъ настоящее бѣгство... бѣгство опрометью, куда глаза глядятъ, лишь бы спрятаться? Нѣтъ! не можетъ быть! не посмѣетъ!.. Но если?.. Берегись тогда, красавица! И посильнѣй тебя людей скручивалъ я въ бараній рогъ... Странно, одна-ко, какъ крѣпко она меня зацѣпила... Подумаешь, жду перваго свиданія... Нервы, что струны въ разстроенномъ фортепьяно... Вонъ даже руки дрожатъ.

Легкій стукъ въ двери.

А-а-а!.. Войдите.

Людмила Александровна въ дорожномъ туалетѣ, подъ густымъ вуалемъ.

Ревизановъ. Наконецъ-то!

Идетъ навстрѣчу Людмилы Алексан-

дровны и помогаетъ ей снятьъ шубку.

Богъ мой! черный вуаль, черное платье...
по комъ вы въ трауръ?

Людмила Александровна. По своей
совѣсти.

Ревизановъ. Какъ громко и... печально! Но
не ужели и личико ваше сегодня такое же
траурное? Откройте его, дорогая, дайте полю-
боваться.

Людмила Александровна поднимаетъ
вуаль. Ревизановъ долго смотреть на
нее.

Ахъ, хороша!.. Что вы сдѣлали съ собою,
Людмила? Вы богиней смотрите. Говорятъ,
страсть дѣлаетъ женщинъ красивыми. Ужъ
не влюбились ли вы за эти дни?

Людмила Александровна. Ненависть то же
страсть.

Ревизановъ. А вы ненавидите меня?

Людмила Александровна (*глядитъ ему
прямо въ глаза*). Да, я васъ ненавижу.

Ревизановъ. Да?

Людмила Александровна пожимаетъ плечами. Ревизановъ смотритъ на нее съ гнѣвомъ и тоскою. Потомъ быстро подходитъ къ столу и выпиваетъ, одинъ за другимъ, два стакана вина.

Ревизановъ. Ха-ха-ха! Это любопытно. Часъ тому назадъ, я выгналъ отсюда мою Леони — женщину, страстно влюбленную въ меня, потому что надоѣла она мнѣ до отвращенія. И вотъ возмездіе: я самъ, страстно влюбленный, принимаю на томъ же мѣстѣ другую женщину, и эта женщина меня ненавидитъ. Странные контрасты случаются въ жизни.

Людмила Александровна. И страшные.

Ревизановъ. Но зачѣмъ же вы такъ мрачны? Ненавидьте меня, сколько хотите. Но уговоръ: не портите мнѣ минуты давножданнаго счастья. Выпейте стаканъ вина и не горюйте: что горевать? Жизнь хорошая штука. Я добрый малый гораздо добрѣе, чѣмъ вы думаете, — и вы не будете въ убыткѣ, повинуюсь мнѣ... За ваше здоровье! Пейте и вы, — я хочу

этого... я прошу васъ...

Пьетъ. Потомъ медленно подходитъ къ Людмиль Александровнѣ, становится за ея стуломъ и, наклонясь, цѣлуетъ ее въ шею. Людмила Александровна нервно вздрогнула, порывисто встала.....но тотчасъ же опускается на свое мѣсто.

Ревизановъ. Вы... оскорбились?

Людмила Александровна. Я ваша невольница. Вы властны распоряжаться мною.

Ревизановъ. Проклятье! Зачѣмъ вы напоминаете мнѣ это? Невольница! А — что, если я не способенъ отнестись къ вамъ, какъ къ какой-нибудь Леони? Если я васъ слишкомъ уважаю? Если мнѣ больно быть вамъ ненавистнымъ? Если я люблю васъ?

Людмила Александровна (*послѣ недолгаго молчанія*). Я не могу вамъ запретить говорить о любви, не могу и запретить любить меня, если вы не лжете. Но, если вы меня любите, вы выбрали дурной и позорный путь искать взаимности.

Ревизановъ. Какъ же я долженъ былъ по-

ступить?

Людмила Александровна. Не мнѣ учить васъ, я не даю уроковъ любви.

Ревизановъ. Однако?

Людмила Александровна. Нельзя поработать, кого любишь.

Ревизановъ. Ага! вотъ что!

Людмила Александровна. Сперва дайте мнѣ свободу, а потомъ говорите о любви. Вы держите меня въ застѣнкѣ, на дыбѣ и клянетесь: это отъ любви, отъ страстной любви... Стыдно, Ревизановъ!

Ревизановъ. Дать вамъ свободу? То есть отпустить васъ домой и возвратить вамъ письма? Нѣтъ, на это я тоже не способенъ.

Людмила Александровна. Ваша воля.

Ревизановъ. Очень можетъ быть, что разыграть съ вами комедію столь рыцарскаго свойства было бы даже практично: дамы цѣнятъ великодушіе и легко идутъ на эту удочку. Но я не охотникъ до комедій. Если я негодяй, какъ вы меня зовете, то, по крайней мѣрѣ, не лицемѣръ. Вотъ я, каковъ, есть. Такимъ и примите меня, такимъ и любите, если можете. А не можете, не надо!

Пьетъ.

Людмила Александровна (*про себя*). Пытка тяжелѣе, чѣмъ я ждала!

Ревизановъ. А мы могли бы сойтись! Намъ слѣдовало бы сойтись... Дайте мнѣ вашу ручку... Бѣлая, мягкая ручка, а вѣдь и крупная, и сильная... Моя красавица! мое божество!... Неужели мы съ вами разойдемся и не оцѣнимъ другъ друга?

Людмила Александровна. Разошлись уже однажды... давно... и, кажется, взаимная оцѣнка была сдѣлана справедливо, по заслугамъ...

Ревизановъ. Тогда! Да кто были мы тогда! Вы — сантиментальная дѣвочка, а я человѣкъ безъ положенія, дрянъ, трусь. Теперь вы чуть не царица своего общества; я же... полагаю, вы слышали про мое положеніе, про мою дѣятельность?

Людмила Александровна. Мало хорошаго.

Ревизановъ. Я теперь стою такъ высоко, что скажу глупость, ее найдутъ необыкновен-

но умною, оригинальною мыслью, сдѣлаю мерзость, меня оправдаютъ необычайно широкимъ размахомъ гениальной природы. Шире дорогу, тузъ идетъ! Настежь ворота предъ финансовымъ гениемъ!

Людмила Александровна. Вы безумный, безумный!.. Мнѣ страшно съ вами...

Ревизановъ. Да, деньги и твердая воля дѣлаютъ человека гениемъ. Мой идеаль власть. И много ея у меня, и будетъ еще больше. Я не зналъ иныхъ увлеченій. Женщины любили меня, — я дѣлалъ изъ нихъ орудіе своихъ цѣлей. И у меня бывали друзья. Но, если другъ мѣшалъ мнѣ, я хваталъ его за горло, какъ врага. Я даже денегъ не люблю: онъ для меня только средство, я никогда не жалѣю терять. Такъ я иду все выше и выше и буду идти, пока смерть не остановитъ меня...

Людмила Александровна. Куда же наконецъ?

Ревизановъ. Не знаю. Мое будущее фантастически сонъ.

Людмила Александровна. Жить идеаломъ какой-то необъятной тираніи...

Ревизановъ. А! необъятная тиранія это вы

хорошо сказали!

Людмила Александровна. Преступный вы, потерянный, несчастный, сумасшедшій человекъ.

Ревизановъ. Преступленія я не боюсь, а несчастіе познаю только теперь въ послѣдніе дни. Людмила! со мною творится что-то недоброе. Скучно мнѣ стало одному... Я люблю васъ. Я хочу теперь не властвовать, но принадлежать. Моя душа ищетъ вашей души.

Людмила Александровна. Довольно, Ревизановъ

Ревизановъ. О, нѣтъ! Оставьте меня пьянѣть отъ вина и любви и высказываться. Я еще никогда никому не высказывался. А, если бы вы захотѣли идти рука въ руку со мною! А, какъ бы могучи мы были! Смотрите, вотъ бумажникъ: тысячи людей зажаты въ немъ. Выкладываю я изъ него, радость, смѣхъ, ликованіе тысячамъ; кладу въ него, — у десятковъ тысячъ слезы льются. Разожму ладонь, — дыши, толпа! Сожму кулакъ, — задыхайся, кровью исходи!

Бросаетъ бумажникъ на столъ.

Людмила Александровна. Боже мой, что говорите вы? Какимъ ядомъ надо отравить свою душу, чтобы выносить въ ней такой чудовищный бредъ?

Ревизановъ. Я все могу, а захотите, и вы будете моею госпожою. Левъ ляжетъ у вашихъ ногъ. Вотъ такъ, вотъ...

Опускается на колѣни.

Людмила! жизнь моя! счастье мое! раздѣли мою власть, прими мою любовь!

Людмила Александровна. Не надо мнѣ ни вашей грязной любви, ни вашей дикой власти.

Ревизановъ (*медленно поднимается на ноги*). Да, не надо. Слишкомъ я чувствую это, что тебѣ не надо!.. Ваша добродѣтель, ваша репутація въ моихъ рукахъ. Захочу, богиня станетъ простою самкою. Но я не хочу... Мой Богъ! какъ унижить васъ? Унижить ту, кого я поставилъ въ своихъ мечтахъ выше себя, выше своихъ задачъ и надеждъ? Не хочу, не хо-

чу!

Людмила Александровна. Тогда отпустите меня, будьте честны хоть разъ въ жизни.

Ревизановъ. Оскорбляетъ! Оскорбляетъ! Опять оскорбляетъ! всегда, всегда только оскорбляетъ!

Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Онъ замѣтно пьянъ.

Послушай!... Не сердись, что я говорю тебѣ "ты"... Я очень люблю тебя, и мнѣ больно, что мы враги... Я очень несчастенъ, что не умѣю взять любовь твою... Да, очень! Пожалѣй же и ты меня. Если ты уже не въ силахъ полюбить меня, то, по крайней мѣрѣ, не мучь меня безпощадною правдою, не показывай мнѣ своего отвращенія! Солги мнѣ, обмани меня сегодня, что ты меня полюбишь... и Богъ съ тобою! иди, куда хочешь: я отдамъ тебѣ твои письма.

Людмила Александровна. Нѣтъ, Андрей Яковлевичъ, я не стану лгать.

Ревизановъ. Людмила, пользуйся, пользуйся случаемъ! Солги! обмани меня скорѣ!

Несколько минутъ, — и я буду снова трезвъ, холоденъ и жестокъ. Людмила, пользуйся случаемъ!

Людмила Александровна (*подходитъ къ нему стиснувъ зубы, съ горящимъ взоромъ, дрожа всѣмъ тѣломъ*). Лгать вамъ? притворяться предъ вами? Да весь мой позоръ легче и достойнѣе, чѣмъ эта ложь!.. Я ненавижу васъ. Слышите вы это? Вы можете унижить меня, растоптать; обезславить, но не заставите меня покривить моимъ чувствомъ. Правда моя одна у меня осталась... остальное все ваше. Этого не отнимете: останется мое. Люди не властны надъ вами — къ Богу ненависть мою къ вамъ понесу. Ему поклонюсь ею. Владѣйте мною, и будьте прокляты! Кончимъ этотъ фарсъ. Вы требовали, чтобы я пришла. Я здѣсь. Гдѣ мои письма?

Ревизановъ (*поднимаешь голову, какъ спросонья*). Да! ты... вы правы... кончимъ, время кончить!... Ну, не хотите — такъ и не надо! Тѣмъ лучше — или тѣмъ хуже, — не разберешь.

Пьетъ шампанское.

Къ чорту любовь!

Бросаеть стаканъ въ каминъ.

Къ чорту!

Встаетъ, совершенно опомнившись.

Къ чорту!

Людмила Александровна. Гдѣ мои письма?
Ревизановъ. Они здѣсь.

Кладетъ руку на бумажникъ.

Людмила Александровна. Дайте.

Ревизановъ. Рано. Я, моя дорогая, товара
въ кредитъ не отпускаю.

Людмила, Александровна со стономъ
падаетъ въ кресло.

Ревизановъ. Я былъ въ вашихъ рукахъ вы

не воспользовались случаемъ. Сейчасъ снова вы въ моихъ, и я своего не упущу. Самому дороже, Людмила Александровна, я чуть было не продешевилъ. Эти письма дороже, чѣмъ я предполагалъ.

Людмила Александровна. Что вы хотите сказать?

Ревизановъ. То, что я отдамъ вамъ ваши письма не сегодня и не завтра, а когда я того пожелаю. Вы не хотѣли быть моею госпожою, будете моею рабынею...

Людмила Александровна. Я не понимаю... боюсь понять...

Ревизановъ. Очень просто. Я нахожу васъ слишкомъ красивою женщиною, чтобы выпустить васъ на свободу за одно свиданіе.

Людмила Александровна. А! негодяй!

Бросается на Ревизанова.

Ревизановъ (*отталкиваетъ ее*). Разсчитывайте ваши силы.

Людмила Александровна падаетъ у пись-

меннаго стола. Она замѣчаетъ брошенный на бумагахъ стилетъ Леони и, схвативъ его, прячетъ за спину.

Ревизановъ. Довольно дурачиться. Со мною шутить нельзя. Я приказываю, повируйтесь.

Беретъ Людмилу Александровну за плечо. Она снизу дважды поражаетъ его стилетомъ.

Ревизановъ. Что это?... неужели...

Падаетъ мертвый.

Людмила Александровна (долго стоитъ надъ нимъ. Нѣмая сцена). Что я сдѣлала?... Быть можетъ, живъ?... Нѣтъ, холодѣтъ... Убила!... О, какъ онъ меня измучилъ, какъ измучилъ... Убила! бѣжать отъ него бѣжать... (Замѣтивъ бумажникъ Ревизанова). Ахъ! (Бросается къ столу и вынимаетъ изъ бумажника свои письма). Письма! Вотъ оно мое спокойствіе, въ моихъ рукахъ... Бѣжать,

бѣжать!.. (Бѣжитъ къ дверямъ, потомъ остановилась). Куда?... Развѣ убѣжишь отъ этого. Развѣ это не погонится за мною всегда, всюду? Казнь здѣсь казнь тамъ... Накажетъ Богъ покараютъ люди...

Стоить въ нерешительности. Часы бьютъ два.

Два... До ночного поѣзда въ Осиновку еще цѣлый часъ... Никто и не подумаетъ, что я была въ Москвѣ. Всѣ увѣрены, что я въ дорогѣ... Спасена!..

Быстро надѣваетъ шубку. Стоитъ въ задумчивости, опустивъ руки.

Судъ... каторга.... толпа... позоръ... О, Боже мой!.. Нѣтъ! Будь, что будетъ, но пусть меня судить Богъ, а не люди! Бѣжать! Бѣжать!

Уходитъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV

Картина I.

У Верховскихъ. Сердецкій, Митя, Лида.

Сердецкій. И давно, Лидочка, началось это?
Лида. Съ того самаго дня, какъ мама вернулась изъ деревни, отъ бабушки. Она приѣхала съ вокзала и никого не застала дома. Я была въ гимназїи, Митя тоже, папа въ бани. Приходимъ, обрадовались, стали ее цѣловать, тормошить; и она тоже рада, цѣлуетъ насъ. А потомъ бухъ! упала на коверъ: истерика! Хочетъ, плачетъ, говоритъ несвязно... больше двухъ часовъ не приходила въ себя.

Митя. Раньше этого никогда не бывало.

Сердецкій. Странно. Совсѣмъ не похоже на нее.

Лида. Вотъ съ тѣхъ поръ и нашло на маму. Ничѣмъ не можемъ угодить: такая стала непостоянная. Приласкаешься къ ней, — недовольна: оставь! не надоѣдай! ты меня утомляешь! Оставишь ее въ покоѣ обижается:

ты меня не любишь, ты неблагодарная! вы всѣ неблагодарные! если бы вы понимали, что я для васъ сдѣлала.

Митя. Неблагодарностью она всего чаще насъ попрекаетъ. А какіе же мы неблагодарные? Мы на маму только-что не молимся.

Лида. Истерики у мамы каждый день. Но ужъ вчера было хуже всѣхъ дней. Досталось отъ мамы и намъ, и папѣ. И вѣдь изъ-за какихъ пустяковъ!

Митя. Я безъ спроса ушелъ къ Петру Дмитриевичу.

Лида. Ахъ, разлюбила мама, совсѣмъ разлюбила Петра Дмитриевича. И въ чемъ только онъ могъ провиниться, не понимаю?

Митя. Встрѣчаетъ его холодно, молчитъ при немъ, едва отвѣчаетъ на вопросы.

Лида. А намъ безъ него скучно: онъ веселый, смѣшной, добрый...

Митя. Намедни, на именины, подарилъ онъ мнѣ револьверъ, тоже что было шума!

Сердцецкій. Ну, револьверъ-то тебѣ, и въ самомъ дѣлѣ лишній. Еще застрѣлишь себя нечаянно.

Митя. Помилуйте, Аркадій Николаевичъ!

Маленькій я, что ли? Да я въ тирь пулю на пулю сажаю... Весь классъ спросите. Я такой!

Лида. Раньше, мама сама обѣщала ему подарить.

Митя. А тутъ разсердилась, что отъ Петра Дмитриевича, и отняла.

Лида. Въ столъ къ себѣ заперла. Тоже говорить, что онъ себя застрѣлитъ.

Митя. А я пулю на пулю... Вы, Аркадій Николаевичъ, попросите, чтобы отдала.

Сердецкій. Хорошо, голубчикъ.

Митя. А то я всему классу рассказалъ, что у меня револьверъ... дразнить стануть, что хвастаю. Да, наконецъ, не вѣкъ мнѣ быть гимназистомъ... Какой же я буду студентъ, если безъ револьвера?

Голосъ Людмилы Александровны:

Лида! Митя!

Сердецкій. Мама зоветъ. Идите.

Дѣти уходятъ. Голосъ Людмилы Александровны:

Кто изъ васъ опять взялъ мои газеты?

Митя. Я мамочка... я думалъ...

Людмила Александровна. Въдь это же несносно, наконецъ! Сколько разъ просила не трогать...

Сердецкій. Какой раздраженный тонъ... И изъ-за такихъ пустяковъ?

Верховскій и Синевъ выходятъ изъ кабинета, въ горячей бесѣдѣ.

Верховскій. Что ты ко мнѣ присталъ? "Больна, больна". Знаю безъ тебя, что больна.

Синевъ. А, если знаете, лечите. Нельзя такъ... Здравствуйте, Аркадій Николаевичъ.

Верховскій. Вотъ-съ, не угодно ли? Яйца курицу учатъ. Вздумалъ читать мнѣ нотаціи за Людмилу. Да кому она ближе-то — тебѣ или мнѣ? кто ей мужъ-то? ты или я?

Синевъ. Но если у васъ не хватаетъ характера повліять на нее?

Верховскій. А ты сунься къ ней со своимъ вліяніемъ, пожалуйста, сунься. Посмотрю я, много ли отъ тебя останется. Пойми, до того

дошло, что спросишь ее о здоровьи такъ и вспыхнетъ порохомъ. Вчера даже прикрикнула на меня: нечего, говорить, интересоваться мною. Умру, — успѣете похоронить... Меня такъ всего и перевернуло... Второй день не могу забыть... Ну, да въ сторону это. Авось, Богъ милостивъ, все образуется какъ-нибудь, а спорами дѣла не поправишь. Расскажи-ка лучше свои новости. Двигается ревизановское дѣло или по-прежнему ни взадъ, ни впередъ?

Синевъ. Изсушило оно меня, Степанъ Ильичъ, не радъ, что и поручили.

Сердецкій. Какъ? оно у васъ? Вотъ интересно.

Верховскій. А вы не знали?

Сердецкій. Я только-что изъ деревни.

Верховскій. Людмила говорила мнѣ, что встретила васъ у Елены Львовны. Ну, что, дорогой Аркадій Николаевичъ, какъ вы ее нашли?

Сердецкій. Людмилу Александровну?

Верховскій. Да. Какова она была тамъ?

Сердецкій. Да, нехороша, очень нехороша...

Синевъ. Вы въ одно время съѣхались въ Осиновкѣ?

Сердецкій. Не совсѣмъ. Я пріѣхалъ къ Еленѣ Львовнѣ четвертаго октября, а Людмила Александровна двумя днями позже, шестого.

Верховскій. Какъ шестого? Вы путаете, голубчикъ: пятаго, а не шестого.

Сердецкій. Шестого, Степанъ Ильичъ, я отлично помню.

Синевъ. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Дѣйствительно пятаго. Я самъ, провожалъ. Людмилу Александровну на вокзалъ, потомъ, объѣдалъ съ товарищами въ Эрмитажѣ, потомъ поѣхалъ къ покойному Ревизанову, а въ ночь съ пятаго на шестое и зарѣзали его, бѣднягу...

Сердецкій. Можетъ быть... Да, да. Конечно, вы правы... Память иногда измѣняетъ мнѣ.

Синевъ (*Верховскому*). Дикое, Степанъ Ильичъ, фантастическое дѣло. Глупо, просто и непроницаемо. Ни малѣйшихъ слѣдовъ. Пришла таинственная незнакомка, воткнула человѣку ножъ между реберъ, ушла и канула въ воду...

Сердецкій. А что съ наѣздницею, съ этой Леони? Такъ, кажется, ее зовуть?

Синевъ. Да. Ее освободили.

Сердецкій. Но я читалъ: Ревизановъ убить ея кинжаломъ, у нихъ въ вечеръ предъ убійствомъ вышла крупная ссора?

Синевъ. Совершенно вѣрно. Тѣмъ не менѣе она внѣ подозрѣній. Она доказала свое alibi.

Верховскій. Просто голова идетъ кругомъ. Кто же убилъ?

Синевъ. Чортъ убилъ. Только на него и остается свалить, благо, все стерпить.

Сердецкій. Такъ что вы теряете надежду найти убійцу?

Людмила Александровна показывается въ дверяхъ направо.

Синевъ. Почти. А славный бы случай отличиться. Выслужился бы.

Людмила Александровна. Выслужиться чужимъ горемъ, чужою гибелью? Я считала васъ добрѣе, Петръ Дмитриевичъ.

Синевъ. Что же мнѣ дѣлать, кузина, если

мое ремесло такое, чтобы "тащить и не пущать"? Да гдѣ ужъ. Самъ Вельзевулъ сломить ногу въ этой путаницѣ... Вы поймите: ушла она изъ гостиницы...

Людмила Александровна. Петръ Дмитриевичъ, вы уже двадцать разъ терзали мои нервы этою трагедіей. Пощадите отъ двадцать перваго.

Синевъ. Слышите, Аркадій Николаевичъ, какъ она меня пѣивитъ? И теперь она со мною всегда въ такомъ миломъ тонѣ.

Людмила Александровна. Что вы сочиняете?

Синевъ. Сочиняю? Нѣтъ, извините. Жаловаться, такъ жаловаться. Мнѣ отъ васъ житья нѣтъ. Вы на меня смотрите, какъ строфокамиль на мышъ пустыни: амъ — и нѣтъ меня. Главное, не приложу ума, за что?.. Вѣдь я невиненъ, какъ новорожденный кроликъ.

Лида (входитъ). Мама, Олимпиада Алексѣевна заѣхала за тобою кататься.

Людмила Александровна (*нѣсколько мягче чѣмъ ранѣе говорила*). Гдѣ же она?

Лида. Сидитъ въ классной, говоритъ съ Митей. Послала меня просить тебя, чтобы

одѣвалась.

Людмила Александровна. Хорошо, скажи, что сейчасъ буду готова... Проси ее пока ко мнѣ.

Лида уходитъ.

Степанъ Ильичъ, мнѣ денегъ надо.

Верховскій. Сколько угодно, матушка, сколько угодно. Но... ты опять куда-то съ Липкой?

Людмила Александровна. Да, ѣдемъ кататься, а потомъ за покупками. Можетъ быть, въ оперетку сегодня вечеромъ поѣдемъ.

Верховскій. Значить, на весь день?

Людмила Александровна. Можетъ быть, и на весь день.

Верховскій. Воля твоя, Людмила Александровна, а я этого не понимаю. То есть до чего, въ послѣднее время, распустила себя эта Олимпиада, вы, Аркадій Николаевичъ, и вообразить не можете. Вся Москва кричитъ объ ея безпутствахъ. Тамъ и докторъ какой-то, и скрипачъ, и піанистъ. А Милочка, чѣмъ бы

обуздать ее, да образумить...

Людмила Александровна. Оставьте Липу въ покоѣ. Кому она мѣшаетъ?

Верховскій. Милочка, да вѣдь безобразно, скверно, безсовѣстно... Совѣсть въ ней, совѣсть пробудить надо.

Людмила Александровна. Совѣсть?.. А какая польза будетъ, если въ ней проснется совѣсть? Теперъ она весела, счастлива, а тогда одною унылою и печальною Магдалиною будетъ больше въ Москвѣ только и всего.

Синевъ. Что это вы, Людмила Александровна? Съ подобными парадоксами можно Богъ знаетъ куда дойти. Если сегодня хорошо, чтобы совѣсть спала, такъ завтра, пожалуй, покажется еще лучше, чтобы ея вовсе не было.

Людмила Александровна. Не мнѣ отрицать совѣсть, Петръ Дмитриевичъ. Я всю жизнь прожила по совѣсти. Вы приписываете мнѣ мысли, которыхъ я не имѣла. Я сказала только, что у кого нечиста совѣсть, счастливъ онъ, если ея не чувствуетъ. Вотъ что. И если совѣсть грызетъ душу, я... я не знаю... мнѣ кажется... можно пуститься, на что хотите, — на

пьянство, на развратъ, только бы не слышать ея. только бы забыть. Липа счастливица. Она грѣшитъ, даже не подозрѣвая, что она грѣшница. Ну, и оставьте ее. Это ей надо для ея счастья, пусть будетъ счастлива.

Синевъ. Помилуйте, Людмила Александровна. По вашей логикѣ, — другому понадобится для своего счастья людей убивать... Что же? пусть убиваетъ?

Людмила Александровна. Убивать, убивать — все убивать! Какъ вы скучны съ вашими убійствами, Петръ Дмитриевичъ... Вы не умѣете спорить, иначе, какъ крайностями... Дай же мнѣ денегъ, Степанъ Ильичъ!

Уходитъ съ мужемъ въ кабинетъ,
нальво.

Синевъ. Что вы на это скажете?

Сердецкій. Боюсь и думать, него, что говорить.

Синевъ. Психическое разстройство, вотъ какъ это называется, сударь вы мой. А откуда оно взялось? знакъ вопросительный. Но знаю

одно: здоровые люди, какъ была Людмила Александровна, не сходятъ съ ума, ни съ того, ни съ сего, въ двѣ-три недѣли срокомъ...

Сердецкій. Людмилу Александровну рано записывать въ сумасшедшая.

Синевъ. Гмъ, гмъ... Вотъ что, Аркадій Николаевичъ. Вы старый другъ Верховскихъ, я тоже. Давайте поговоримъ откровенно.

Сердецкій. Очень радъ, Петръ Дмитриевичъ.

Синевъ. Вотъ вамъ первый вопросъ: вы вполне увѣрены, что Людмила Александровна пріѣхала къ Еленѣ Львовнѣ, въ Осиновку, шестого октября, а не ранѣе?

Сердецкій. Вы поколебали мою увѣренность, но... какъ я помню: да, шестого утромъ.

Синевъ. Утромъ?

Сердецкій. Утромъ. Въ этомъ-то я увѣренъ.

Синевъ. А я въ свою очередь увѣренъ, что проводилъ ее въ Осиновку съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ пятого октября въ субботу.

Сердецкій. Стало быть, Людмила Александровна...

Синевъ. Либо почему-то ѣхала въ Осинов-

ку, вмѣсто четырехъ часовъ, цѣлую ночь, ли-
бо провела эту ночь неизвѣстно гдѣ. Въ
Москвѣ ея не было.

Сердецкій. У Елены Львовны тоже.

Синевъ. Гдѣ же она была?

Сердецкій *(наильственно улыбається)*.

Уравненіе съ тремя неизвѣстными.

Синевъ. Затѣмъ... Тѣфу, чортъ! какъ труд-
но говорить о подобныхъ вещахъ, когда дѣло
касается любимаго, близкаго человѣка... Ска-
жите, Аркадій Николаевичъ, не замѣчали вы
ничего между Людмилою Александровною и
покойнымъ Ревизановымъ?

Сердецкій *(вздвогнулъ)*. А! мое
предчувствіе... *(Вслухъ)*. Нѣтъ, ничего... а
развѣ?..

Синевъ. Не знаю, какой именно, но есть у
нея въ душѣ осадокъ отъ этой проклятой
исторіи. Знаете ли, напримѣръ, съ какихъ
поръ она стала относиться ко мнѣ, какъ къ
врагу? Какъ только узнала, что мнѣ поручено
слѣдствіе по ревизановскому дѣлу. Еще нака-
нунъ мы были друзьями. А какъ мнѣ тяжело
потерять расположено Людмилы Алексан-
дровны, — сами судить можете. Я свыкъся съ

нею съ дѣтскихъ лѣтъ. Уваженіе этой женщины моя совѣсть. И вотъ...

Людмила Александровна и Олимпіада Алексѣевна входятъ.

Олимпіада Алексѣевна. Ба! знакомыя все лица... (Синеву). Что, ловець великій? Говорятъ, все ловишь, да никакъ не поймаешь? А твоя Леони чудо женщина. Спасибо, что выпустилъ ее на волю. Она теперь у меня частая гостья... Если хочешь, я представлю тебѣ ее. Людмила.

Людмила Александровна. Зачѣмъ?

Синевъ. Да, ужъ вотъ именно: только этого не доставало. Вы, Липочка, такое иногда хватите, что только плюнь, да свистни.

Олимпіада Алексѣевна. Почему же нельзя? Что тутъ особеннаго?

Синевъ. Вводитъ въ порядочный домъ Богъ знаетъ кого!

Олимпіада Алексѣевна. Но ею теперь всѣ интересуются, она въ модѣ, она на расхватъ. Я просто не понимаю вашего равнодушія. Есть

случай познакомиться съ общественною дѣятельницею, а вы...

Синевъ. Что-о? Леони общественная дѣятельница?! Липочка! вы не здоровы.

Олимпіада Алексѣевна. Ну, да, или какъ тамъ это называется?

Синевъ. Въ чемъ же это ея общественная дѣятельность обнаружилась? Интересно.

Олимпіада Алексѣевна. Ну, вотъ... убила тамъ она... или хотѣла убить...

Синевъ. Дѣятельность!

Олимпіада Алексѣевна. Да что ты къ словамъ привязываешься? Скажите, какую добродѣтель на себя напустилъ! Такъ — привезти ее къ тебѣ, Мила?

Людмила Александрова. Какъ хочешь. Мнѣ все равно.

Олимпіада Алексѣевна. Привезу. Она тебя развлечетъ. Все же, новое лицо новое ощущеніе.

Синевъ. Знаете что, Липочка?

Олимпіада Алексѣевна. Что?

Синевъ. Посажу-ка я васъ въ острогъ? а?

Олимпіада Алексѣевна. Тьфу! типунъ тебѣ на языкъ.

Синевъ. Да, право. Тамъ вы этихъ новыхъ лицъ и новыхъ ощущеній насмотритесь, сколько хотите...

Олимпиада Алексѣевна. Дуракъ... Ну, тебя! пошелъ прочь дай съ умнымъ человѣкомъ поговорить... Аркадій Николаевичъ! милый человѣкъ! похорошѣлъ какъ, посвѣжѣлъ... сразу видно, что изъ деревни.

Сердецкій. Благодарю за комплиментъ и отвѣчаю тѣмъ же.

Олимпиада Алексѣевна. Вотъ кого люблю за обычай. Всегда въ духъ, всегда бодръ и веселъ, какъ соловей...

Сердецкій. Поющій для неувядаемой розы.

Олимпиада Алексѣевна. И всегда что-нибудь такое милое скажетъ. Ахъ, Аркадій! Николаевичъ, ума не приложу, какъ это мы съ вами пропустили время влюбиться другъ въ друга.

Сердецкій. Это, вѣроятно, оттого произошло, что я тогда слишкомъ много писалъ, а вы слишкомъ мало читали.

Олимпиада Алексѣевна. А когда стала читать, то уже оказалась героинею не вашего романа?

Сердецкій. Всѣ мы изъ героевъ вышли.

Олимпіада Алексѣевна. А послѣдняя ваша повѣсть прелесть. Всѣ въ восторгѣ. Ты читала, Людмила?

Людмила Александровна. Нѣтъ еще.

Олимпіада Алексѣевна. О, чудное чудо! о, дивное диво! Какъ же это? Прежде ты знала всѣ произведенія Аркадія Николаевича еще въ корректурѣ...

Людмила Александровна. Не успѣла... Я въ послѣднее время почти ничего не читаю... времени нѣтъ.

Олимпіада Алексѣевна. Помилуй! въ твоёмъ будуарѣ цѣлыя горы книгъ. И знаешь ли? Я удивляюсь твоему вкусу. Дѣло Ласенера, дѣло Тропмана, Ландсберга, Сарры Беккеръ, что тебѣ за охота волновать свое воображеніе такими ужасами?

Синевъ (*Сердецкому тихо*). Слышите?

Олимпіада Алексѣевна. Бррр... бррр... бррр... меня всѣ эти покойники по ночамъ кусать приходили бы.

Синевъ. Вотъ начитаетесь всякихъ страстей, а потомъ и не спите по ночамъ.

Людмила Александровна. Кто вамъ сказа-

ль, что я не сплю?..

Синевъ. Степанъ Ильичъ, конечно.

Людмила Александровна. Степанъ Ильичъ самъ не знаетъ, что говоритъ. Ему нравится воображать меня больною...

Олимпіада Алексѣевна. Но зачѣмъ же горячиться, Милочка?

Сердецкій. Вкусу Людмилы Александровны вы напрасно удивляетесь. Теперь въ Москвѣ въ модѣ перечитывать causes celebres.

Синевъ. Всѣхъ взбудоражило убійство Ревизанова...

Олимпіада Алексѣевна (*зажимаетъ уши*). Ахъ, ради Бога, не надо объ этомъ дѣлѣ... Его слишкомъ много въ этомъ домѣ!

Людмила Александровна. Что ты хочешь этимъ сказать?

Олимпіада Алексѣевна. Я понимаю, что смерть близкаго знакомаго, да еще такая внезапная, можетъ потрясти, выбить изъ обычной колеи. Но всякому интересу бываетъ предѣлъ: у тебя онъ переходитъ уже въ болѣзненную нервность какую-то. Я сейчасъ видѣла газеты: ты отмѣтила въ нихъ краснымъ карандашемъ все, что касается ревизанов-

скаго убійства.

Синевъ (*Сердецкому тихо*). Слышите?

Олимпіада Алексѣевна. Знакомые
пріѣзжаютъ къ вамъ въ домъ, словно для того
только, чтобы бесѣдовать о Ревизановѣ: о чемъ
бы ни начался разговоръ, ты въ концѣ
концовъ сведешь его къ этой ужасной темѣ.

Людмила Александровна. Однако, сейчасъ
свела его ты, а не я. А интересомъ къ этому
дѣлу меня заразилъ Петръ Дмитриевичъ. Самъ
же онъ, на первыхъ шагахъ, все
совѣтовался со мною.

Синевъ (*слегка смутился*). Что правда, то
правда.

Людмила Александровна. А теперь удивля-
ется, что я увлекаюсь ролью добровольнаго
слѣдователя, и тоже, какъ онъ, строю систе-
мы и предположенія.

Сердецкій. Такъ что вы выработали свой
взглядъ на убійство?

Людмила Александровна. Да.

Сердецкій. Это интересно.

Людмила Александровна (*съ безумною
рѣшимостью*). Хотите, расскажу?

Сердецкій. Пожалуйста.

Синевъ. Гмъ... гмъ... послушаемъ...

Олимпіада Алексѣевна. О, Господи! Милочка въ роли слѣдователя!

Людмила Александровна. Такъ слушайте. Убійство это не преднамѣренное... это прежде всего.

Синевъ. Вполнѣ согласенъ: внезапно, случайное убійство случайно попавшимъ подъ руку оружіемъ.

Людмила Александровна. Да, дѣло случая. Можетъ быть, необходимаго, фатальнаго, но все же случая, а не злого намѣренія. Это — повторяю прежде всего. Замѣтите.

Синевъ. Замѣтили, замѣтили. Продолжайте.

Людмила Александровна. Вы знаете, что за человекъ былъ Ревизановъ. Знаете, какъ оскорблялъ онъ людей — и больше всѣхъ именно насъ, женщинъ. Онъ относился къ намъ, какъ къ рабынямъ, какъ къ самкамъ, какъ укротитель къ своему звѣринцу. Жертвъ у него было много.

Олимпіада Алексѣевна. Mille e tre!

Людмила Александровна. Представьте теперь, что одна изъ нихъ бунтуетъ. Она утом-

лена изысканностью его издѣвательствъ, довольно ихъ съ нея. Но онъ неумолимъ, именно потому, что она бунтуетъ, что она смѣетъ бороться противъ его власти. И онъ не по любви... о. нѣтъ! а просто по скверному чувству: ты моя раба, я твой царь и Богъ! гнетъ ее къ землѣ, душитъ, отравляетъ каждую минуту жизни, держитъ ее подъ постояннымъ страхомъ... ну, хоть своихъ разоблаченій, что ли. Представьте себѣ, что она женщина семейная, уважаемая... и вотъ ей приходится быть при этомъ негодяѣ наложницею... хуже уличной женщины... ненавидеть и принадлежать... поймите, оцѣните это!

Синевъ. Эка фантазія-то у васъ! Слушайте, Аркадій Николыевичъ: какъ разъ тема по васъ... вы психологію любите.

Людмила Александровна. И она хитритъ съ нимъ, покоряется ему, назначаетъ свиданіе... и на свиданіи чаша ея терпѣнія переполнилась... и она убила его, а обстоятельства помогли ей скрыться. Что же? по-вашему, когда вы знали Ревизанова, не могло такъ быть? Не могла убить Ревизанова такая женщина?

Синевъ. Выдала бы она себя непременно, голубушка, и уже давнымъ давно. Русскіе интеллигентные убійцы еще умѣютъ иногда ловко исполнить преступленіе, но укрыватели они совсѣмъ плохіе. Совѣстливы ужъ очень. Слѣдствіе ихъ не съѣсть, сами себя съѣдятъ.

Людмила Александровна. Значить, вы не согласны со мною? Не такъ дѣло было?

Синевъ. Нѣтъ. Вы сочинили эффектный французскій романъ съ уголовщиною, — и только.

Людмила Александровна. У меня фантазіи, можетъ быть, слишкомъ много, а у васъ ужъ слишкомъ мало, Петръ Дмитріевичъ. Въ вашемъ, дѣлѣ это большой порокъ. Вы никогда не выслужитесь... Идемъ, Липа. До свиданья, господа...

Уходятъ. Синевъ стоитъ въ глубокой задумчивости.

Сердецкій. Да, да... что-то она прячетъ въ себѣ прячетъ отъ всѣхъ, даже... обидно

немножко, даже отъ меня. И что-то тяжелое, скверное, ядовитое... Жаль ее, бѣдную, жаль.

Синевъ (*быстро шагаетъ назадъ и впередъ по сценѣ*). Послушайте: вѣдь, было время, когда Ревизановъ считался женихомъ Людмилы Александровны?

Сердецкій. Да.

Синевъ. Не думаете вы, что они того... возобновили? а?

Сердецкій. Какъ вамъ не стыдно!

Синевъ. Стыдно, стыдно, очень стыдно, да въ такомъ затруднены поневолѣ безстыдникомъ станешь.

Сердецкій. Ревизановъ былъ прямо противень Людмилѣ Александровнѣ, она его ненавидѣла.

Синевъ. Вотъ именно, какъ вы изволили выразиться, онъ былъ ей ужъ какъ-то слишкомъ противень, точно напоказъ

Сердецкій. Пожалуй...

Синевъ. Подъ откровенною ненавистью очень часто таится скрытая влюбленность.

Сердецкій. О, да, гораздо чаще, чѣмъ думаютъ.

Синевъ. А вѣдь покойный былъ надо же

признаться — мужчина обаятельный и, кроме того, нахаль великій: обстоятельство весьма важное. Донъ-Жуаны его типа видятъ женщину насквозь и показныхъ ненавистей не боятся. Они умѣютъ ловить моментъ.

Сердецкій (*задумчиво*). Да, да, вы правы. У женщинъ это бываетъ. Сейчасъ негодяй! мерзавецъ! презрѣнный! А черезъ минуту — случился чувственный порывъ да подвернулись мужскія объятія... глядь, вотъ тебѣ на! — уже не негодяй, а милый, хорошій, прекрасный...

Синевъ. Вотъ видите!..

Сердецкій. Слѣдовательно, вы полагаете...

Синевъ. Что Ревизановъ увлекъ Людмилу Александровну: между ними, вѣроятно, были свиданія; и... и тогда объясняется, гдѣ она провела таинственные часы, когда ея не было ни дома, ни въ деревнѣ.

Сердецкій. Не похоже все это на Людмилу.

Синевъ. А между тѣмъ всѣ данныя говорятъ за мое предположеніе. И ея таинственное исчезновеніе, и этотъ посмертный интересъ къ человѣку, котораго она будто бы ненавидѣла, и удрученное состояніе, небывалая замкнутость въ самой себѣ, очень похо-

жая на раскаяніе, на позднія угрызенія совѣсти...

Сердецкій. Въ чемъ?

Синевъ. Какъ въ чемъ? Да развѣ можетъ легко отозваться паденіе на такой женщинѣ, какъ Людмила Александровна?

Сердецкій. Да... вы вотъ о чемъ.

Синевъ. Я увѣренъ, что они Ревизановъ и Людмила Александровна видѣлись въ ночь предъ тѣмъ, какъ этотъ несчастный былъ зарѣзанъ...

Сердецкій. Но, вѣдь въ такомъ случаѣ...

Синевъ (*холодно*). Что?

Сердецкій. Въ такомъ случаѣ... ее могутъ... тоже подозрѣвать?.

Долгое молчаніе.

Синевъ. А, вы думаете, я ее не подозрѣваю?

Сердецкій въ ужасѣ, отшатнулся.

Если бы я хотѣлъ... Да другой слѣдователь давно бы арестовалъ ее!..

Сердецкій. Богъ съ вами! Да гдѣ же данныя?

Синевъ. Мы только-что пересчитали ихъ.

Сердецкій. Ничего опредѣленнаго, одни предположенія.

Синевъ. Эхъ, милый человекъ, сотни людей шли на Сахалинъ на основаніи гораздо слабѣйшихъ уликъ.

Сердецкій. Да вѣдь вы всю жизнь ея знаете... безупречную, чистую!.. Такое прелестное возвышенное существо...

Синевъ. Какъ будто совершаютъ преступленія только изверги рода человеческого. Какъ будто нѣтъ моментовъ, когда преступленіе — стихійная необходимость, когда оно подвигъ? Гдѣ ваша психологія, Аркадій Николаевичъ?

Сердецкій. Ахъ, батюшка! психологія хороша, пока судишь да рядишь вчуже, а тутъ своя бѣда...

Синевъ. Этотъ рассказъ ея... это волненіе... Да вѣдь она себя головою выдала. Вы сами свидѣтель.

Сердецкій. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ничего не слышалъ, ничего не знаю.

Синевъ... А, Богъ съ вами! Что я васъ повѣсткою что ли вызываю для дачи показанія?.. Вы ничего не знаете, а я ничего не хочу знать. Слышите? Не хочу. И, пока хоть одна улика противъ нея останется мнѣ не ясною, пока онѣ не окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ, не прижмутъ меня въ уголь, я не наложу на нее руки. Вопреки убѣжденію, вопреки внутреннему голосу, который кричитъ мнѣ, что она убила, — я ее не трону.

Сердечкѣй... Но если?..

Молчаніе.

Синевъ. Дружба дружбой, а служба службой. У всякаго, батюшка Аркадій Николаевичъ, есть свой долгъ, и, какъ ни тяжело, а исполнять его надо...

Голосъ Верховскаго.

Митя! Лида! что это я дозваться никого не могу? Ребятки! гдѣ вы?

Синевъ. Степанъ Ильичъ идетъ сюда... Я

слишкомъ взволнованъ, чтобы встрѣтиться теперь съ нимъ... Извинитесь за меня... До свиданья.

Сердецкій. До свиданья. Но... Петръ Дмитриевичъ!

Синевъ. Я сказалъ вамъ: буду ждать, пока могу... а потомъ не не взыщите!

Уходитъ.

Занавѣсъ

Картина II.

Тамъ же

Людмила Александровна. Леони. Синевъ.

Леони. Да, madame, это были ужасные дни... Я постарѣла въ одну недѣлю на десять лѣтъ... О, я знаю! о немъ говорятъ, что онъ былъ дурной человѣкъ, деспотъ, тиранъ... Можетъ быть... мнѣ все равно! Я любила его, madame. Я едва не сошла съ ума, когда его убили. И они, ces brigands de policiers, имѣли

наглость подозрѣвать меня... Monsieur Синевъ былъ такъ добръ, принялъ во мнѣ участіе, доказалъ мою невиновность... Безъ него... Ахъ, страшно подумать, что случилось бы со мною.

Людмила Александровна. Да, судъ ужасенъ. Наказаніе и преступнику страшно, а вы невинны...

Леони. Ахъ, какъ хорошо вы это сказали! Я чувствую, вы искренно поварили, что я невинна.

Людмила Александровна. Да, я имѣю всѣ основанія вамъ вѣрить.

Леони. Благодарю васъ. Не всѣ такъ хорошо думаютъ о бѣдной Леони, многіе даже разочарованы, что я не убійца, клянусь вамъ. Убить Ревизанова... oh, c'est chic, madame!.. Директоръ цирка самъ предложилъ мнѣ удвоить мое жалованье...

Людмила Александровна. У васъ нѣтъ никакихъ подозрѣній, кто умертвилъ Андрея Яковлевича?

Леони. Я знаю одно, madame, его убила женщина.

Людмила Александровна. Это всѣ знаютъ.

Леони. И я увѣрена, что это именно та женщина, письмо отъ которой онъ не хотѣлъ мнѣ показать...

Синевъ. Письмо? Онъ получилъ въ тотъ день письмо отъ женщины?

Леони. Да... небольшой листокъ голубой бумаги.

Синевъ. Гмъ...

Людмила Александровна глубоко
вздыхаетъ.

Леони. Найдите эту женщину, monsieur, судите ее скорѣе, сошлите. Чѣмъ тяжелѣе ее осудятъ, тѣмъ больше мнѣ будетъ радости...

Людмила Александровна. Вы ненавидите ее, хотя никогда не видали, даже не знаете, кто она такая...

Леони. Да, madame, ненавижу. И не за него только, но и за себя. О! вы не знаете ужаса быть невинною и ждать позора... За что? для кого? Ah, madame! Я волосы рвала отъ ярости.

Людмила Александровна. Вѣроятно, она страдаетъ теперь не меньше васъ... Отравлен-

ная совѣсть дурной товарищъ.

Леони. Да какая въ ней совѣсть? Въ чемъ она сказалась? О, я не сужу ее за смерть бѣднаго Andre. Какъ знать что между ними было? Можетъ быть, она была права... Но относительно меня? предать невинную, хладнокровно послать на судъ первую встрѣчную... Какая низость! Какой звѣриный эгоизмъ!

Синевъ. Вы слишкомъ требовательны, mademoiselle Leonie. Инстинктъ самосохраненія не разсуждаетъ.

Леони. Иногда я думала: быть можетъ, эта женщина — дама изъ общества, потаенная грѣшница... ихъ много, madame!.. Въ свѣтъ она блестящая, холодная лицемерка, съ репутаціей непогрѣшимости, уважаемая, почтенная... Вотъ когда меня брало бѣшенство!

Синевъ. Почему же?

Леони. Monsieur, я знаю себѣ цѣну. Вы очень любезны ко мнѣ, madame Ратисова ко мнѣ добра, какъ родная, вы удостоили принять меня, какъ равную. Но я не обманываю себя. Я знаю, что въ глазахъ свѣта я, все-таки, падшая женщина.

Синевъ. Помилуйте! Богъ съ вами! Что это

вы?

Леони. И когда я думала, что вотъ такая-то святая прячется отъ суда, спасая себя моею грѣшною головою... Пусть молъ идетъ въ ка-торгу эта погибшая! Ей вѣдь все равно не привыкать къ позору, туда ей и дорога...

Синевъ. Успокойтесь... Дѣло прошлое... Не стоитъ разстраиваться...

Леони. Продажная! Ну, — и пускай! А все-таки я лучше ея... Я продажная, а она — убійца!..

Спохватаясь въ своей горячности, замѣчаетъ страдальческое лицо Людмилы Александровны...

Простите: я забылась. Ради Бога, не сердитесь... Я не могу иначе, когда объ этомъ... Мнѣ такъ больно, обидно... Простите...

Синевъ. Успокойтесь, Людмила Александровна ничуть на васъ не сердится.

Людмила Александровна. Конечно... За что же?

Леони. Здѣсь душно отъ цвѣтовъ... кровь приливаетъ къ головѣ... Охъ... Я буду отворачи-

тельна сегодня.

Синевъ. А у васъ спектакль?

Леони. Да, и мнѣ уже время къ нему одѣваться. Позвольте, madame, поблагодарить васъ за вашу доброту...

Людмила Александровна. До свиданья.

Леони. Не сердитесь... мнѣ такъ неловко, такъ совѣстно. До свиданья.

Синевъ. Я провожу васъ.

Уходитъ.

Людмила Александровна (встаетъ, блѣдная, съ окаменѣлымъ лицомъ, глаза горятъ безумнымъ огнемъ). Наглоталась... досыта... "Я продажная, а она убійца". А развѣ ято не продажная была, когда шла къ нему, за этими проклятыми письмами?.. Продажная... Убійца!

Стоить растерянная, трудно собираясь съ мыслями.

Что бишь я хотѣла сдѣлать? Да... письмо...

голубой квадратный листокъ... Надо уничтожить всю такую бумагу... Скорѣе надо, немедленно...

Хочетъ уйти и, безсильно махнувъ рукою, остается на мѣстѣ.

А! все равно... Пускай ищетъ, находить... Устала я, устала... Не могу я больше оставаться одна съ этою тяжестью въ душѣ... Не могу, устала.

Шопотомъ, почти бессмысленно, машинально.

Продажная!.. убійца...

Сердецкій (*входитъ встревоженный*). Людмила Александровна, вамъ худо? Синевъ перепугалъ меня, сказалъ, что Леони чуть не довела васъ до истерики...

Людмила Александровна молчитъ.

Сердецкій. Вы снисходите къ ней, голубушка. Вѣдь какую она передрыгу пережила, — примите во вниманіе.

Людмила Александровна молчитъ.

Сердецкій. Можетъ быть, позвать къ вамъ дѣвушку?

Людмила Александровна отрицательно качаешь головою.

Сердецкій. Вы хотите остаться одна? Я уйду...

Отходить.

Людмила Александровна. Аркадій Николаевичъ!

Онъ возвращается.

Людмила Александровна. Послушайте...

это я убила Ревизанова... тогда... въ ночь съ пятого на шестое...

Сердецкій. О!..

Людмила Александровна. Да... дайте мнѣ воды... ради Бога, скорѣе...

Сердецкій подаетъ ей стаканъ. Она пьетъ, расплескивая воду; зубы ея стучатъ о стекло.

Сердецкій. Я зналъ это, Я чувствовалъ, предполагалъ. Ахъ, несчастная, несчастная!

Людмила Александровна. Онъ... онъ мучилъ меня... издавался надо мною... грозилъ мнѣ нашею прошлою любовью... Вѣдь я, Аркадій Николаевичъ, была его, совсѣмъ его!.. Онъ хотѣлъ, чтобы я его опять любила... была рабою... онъ Ми... Митю своимъ сыномъ хотѣлъ объ... объявить... У него письма были... доказательства. Я не стерпѣла... вотъ... убила... вотъ... вотъ... и... и не знаю, что теперь дѣлать съ собою?

Сердецкій. Несчастная, несчастная!

Людмила Александровна. Не знаю, что дѣлать, не знаю. Думаю и ничего не могу при-

думать... Ахъ! Что тутъ выдумаешь, когда рядомъ съ каждою мыслью поднимаются образы этой страшной ночи?.. Тамъ эта комната, и онъ на коврѣ, блѣдный, холодный, а на лицѣ вопросъ... Не узналъ смерти... не понялъ, что умираетъ...

Сердецкій (*старается усадить ее въ кресла*). Не смотрите такъ, Людмила. Что вы видите? Что вамъ чудится?

Людмила Александровна. Нѣтъ, вы не бойтесь. Я не галлюцинатка... до этого еще не дошло, Богъ милуетъ... у меня только мысль больная, память больная... Помнится, думается, — ни на минуту не отпускаетъ меня...

Сердецкій. Чужало мое сердце недоброе, ждалъ я бѣды, только все же не такой. Господи! что же это? Громъ на голову! съ яснаго неба громъ... Милочка! Милочка! что вы, бѣдная, съ собою сдѣлали?

Людмила Александровна. Я убить себя хотѣла... Хотѣла пойти къ Синеву, во всемъ признаться... жалко! дѣтей жалко... я ихъ отъ позора спасти хотѣла, а, вмѣсто того, вдвое опозорила! Дѣти убійцы!.. О другъ мой! Вы даже не подозрѣваете, какъ это страшно убить

человѣка. Я поняла проклятіе Каина, я несу его на себѣ. Я... я всѣхъ людей боюсь, Аркадій Николаевичъ! Я... даже васъ боюсь въ эту минуту... Другъ мой! я вамъ все сказала честно, какъ брату. Помните же! Я вамъ вѣрю и вы будьте вѣрны мнѣ до конца! Не выдавайте меня!

Сердецкій. Богъ съ вами, несчастная!

Людмила Александровна. Не выдавайте.

Сердецкій. Мнѣ ли выдавать васъ, мое дитя, мое сокровище?... мою единую, единую любимую за всю жизнь? Охъ, горько, страшно горько мнѣ, Людмила.

Людмила Александровна. Синевъ... вы замѣчаете? Онъ что-нибудь пронюхалъ... ищайка!.. Я ненавижу его, Аркадій Николаевичъ.

Сердецкій. Ничего онъ не узнаетъ. Я стану между нимъ и вами. Кромѣ совѣсти у васъ не будетъ судьи.

Людмила Александровна. Я его ненавижу. А! да и всѣхъ тоже всѣхъ вокругъ меня... Вы одинъ остались какъ-то не чужой мнѣ...

Сердецкій. Господи! Это-то какъ развилось у васъ? когда успѣло? Откуда взялось?

Людмила Александровна. Откуда? Дѣтскій вопросъ, Аркадій Николаевичъ!

Сердецкій. Относительно Синева я, пожалуй, еще понимаю ваша чувства. Охъ, хотя и невольно, и слѣпо, все же держитъ въ своихъ рукахъ вашу судьбу. Но ваши домашніе? дѣти?

Людмила Александровна. Дѣти... дѣти... Ахъ, Аркадій Николаевичъ! дѣти горе мое. Для нихъ я все это сдѣлала. Хотѣла оставить имъ чистое, какъ хрусталь, имя... А теперь, послѣ этого дѣла... я разлюбила дѣтей!

Сердецкій. Разлюбили дѣтей? да какъ же? за что?

Людмила Александровна. Ахъ, другъ мой! больно мнѣ... Вѣдь я для нихъ больше, чѣмъ кусокъ живого мяса изъ груди вырѣзала! я всю себя какъ ножомъ испластала. Душа болитъ, сердце болитъ, тѣло болитъ... мочи нѣтъ терпѣть! Тоска, страхъ, боль эта свѣтъ мнѣ застытъ. Погубила себя!.. А за что?.. Стоило, нечего сказать.

Сердецкій. Вы несправедливы къ семьѣ, Людмила.

Людмила Александровна. Можетъ быть.

Они здоровые, я — больная. Когда же больные бываютъ справедливы къ здоровымъ? Я завидую имъ, Липъ, вамъ, Синеву... Счастливые, спокойные люди съ чистою совѣстью! Вы хорошо спите ночью! Вы не подозрѣваете врага въ каждомъ человѣкѣ, не ищете полицейскихъ крючковъ въ каждомъ вопросѣ... Злюсь, говорятъ, — "у тебя характеръ испортился... ты несносна". Да, и злюсь, и испортился характеръ, и несносна! Но вѣдь... если бы они знали и поняли мою жертву — они бы должны ноги цѣловать у меня!

Сердецкій (*строго*). А вы рѣшились бы сказать имъ?

Людмила Александровна. Никогда!

Сердецкій. На что же вы жалуетесь?

Людмила Александровна. Я знаю, что не имѣю права жаловаться. Но развѣ измученный человѣкъ заботится о правахъ? Одна я, Аркадій Николаевичъ, одна въ то время, какъ мнѣ много любви надо! Я привыкла много любить и быть любимой; въ томъ и жизнь свою полагала. А вотъ теперь, когда мнѣ нужна любовь, я одна...

Лида бѣжитъ, держа надъ головою отнятый у Синева портфель, Синевъ гонится за нею.

Синевъ. Лидочка, ну что за глупости? Отдайте портфель! бумаги растеряете!.. Нашли чѣмъ баловаться!

Лида. Ха-ха-ха! А я не отдамъ, не отдамъ...

Синевъ. Важныя, ей Богу, важныя! Растеряете, меня за нихъ засудятъ.

Лида. Вотъ и посидите у насъ, и посидите!

Синевъ. Засудятъ, въ Сибирь сошлютъ, сами же будете плакать!

Лида. Вы уходите отъ насъ задумали, а я портфеля не отдамъ!

Синевъ. Не отдадите — догоню и самъ отниму!

Лида. Ха-ха-ха! ловите вѣтра въ полъ.

Убѣгаютъ..

Людмила Александровна (*внѣ себя*). Слышите? Слышите, какъ весело!.. А они счастливы, неблагодарные! они играютъ, смѣются,

они — чужіе моимъ мученіямъ. Смѣются въ то время, когда я живу хуже, чѣмъ на каторгѣ! Неблагодарные! будь они прок...

Сердецкій. Давно ли вы любили ихъ больше всего на свѣтѣ, а вотъ уже проклинаете.

Молчатъ.

Людмила Александровна. Теперь вы знаете все... судите меня... кляните!..

Сердецкій. Полно, Людмила Александровна! Судьею вашимъ я быть не могу. Я васъ слишкомъ давно и слишкомъ сильно люблю. Жальтъ да молчатъ вотъ что мнѣ осталось.

Людмила Александровна. А мнѣ?

Сердецкій молчитъ.

Да не умирать же мнѣ... не умирать же, Аркадій Николаевичъ?!

Сердецкій молчитъ.

Людмила Александровна. Я пришла къ вамъ, къ другу, сердцевѣду, писателю, потому что сама не знаю, что мнѣ с собой сдѣлать. Я на васъ надѣялась, что вы мнѣ подскажете... А вы...

Сердецкій. Если вѣрите, молитесь.

Людмила Александровна. А! молилась я! Еще страшнѣе стало... "Не уібй" — забыли вы, Аркадій Николаевичъ?

Сердецкій молчитъ.

Людмила Александровна. Больше вы ничего мнѣ не скажете?

Сердецкій (*съ отчаяніемъ*). Ахъ, Людмила!

Людмила Александровна. Послушайте... пускай я буду гадкая, ужасная, но вѣдь имѣла я, имѣла право убить его?

Сердецкій (*твердо*). Да. Имѣли.

Людмила Александровна. А!.. Благодарю васъ!.. благодарю!..

Сердецкій. Объ одномъ жалѣю, что вы это сдѣлали, а не я за васъ.

Людмила Александровна (*робко приближа-*

ется къ нему). Я, можетъ быть, противна вамъ?

Сердецкій. Людмила!

Людмила Александровна. А! не перебивайте! Это не отъ васъ зависитъ! это инстинктивно бываетъ... Вѣдь кровь на мнѣ... Но вы не презираете меня? нѣтъ? не правда ли?

Сердецкій. Я васъ люблю, какъ любилъ всю жизнь.

Людмила Александровна. Да, всю жизнь... А знаете ли? Вѣдь и я васъ любила когда-то... Да... Можетъ быть, если бы... а! что толковать! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Беретъ Сердецкаго обѣими руками за голову и крѣпко цѣлуетъ его въ губы.

Это въ первый и послѣдній разъ между нами, голубчикъ. Прощайте. Это вамъ отъ покойницы. И больше не любите меня: не стою.

Сердецкій. Что вы хотите дѣлать съ собою?

Людмила Александровна. Не все ли равно? Не все ли равно?

Быстро уходить,

Олимпиада Алексѣевна (*входитъ справа*). Батюшки, какой мрачный! Что съ вами? или въ лѣсу знакомый медвѣдь умеръ?

Сердецкій. Вотъ что, Олимпиада Алексѣевна. Я возлагаю на васъ большую надежду — на счетъ Людмилы Александровны...

Олимпиада Алексѣевна. Ну-съ?

Сердецкій. Она, въ послѣдніе дни, изъ всѣхъ своихъ только къ вамъ и относится дружелюбно, только васъ одну еще и любитъ.

Олимпиада Алексѣевна. Умная женщина, — потому меня и любитъ. Степанъ Ильичъ, супругъ мой, даже Петька Синевъ всѣмъ ровняютъ осудить меня за мой веселый нравъ, всѣ мораль мнѣ читаютъ. А Людмила — ни-ни! И умна. Не судить и судима не будетъ. Ну что? Кому надо? Въдь это послѣднее пламя: доживаю свой вѣкъ. Доживу, и кончено. Уйду въ благотворительность, стану дамою-патронессою. Такое лицемѣріе на себя напущу, — чертямъ тошно будетъ. Знаете поговорку: "когда чортъ старѣетъ, онъ идетъ въ монахи". Такъ и я. Много-много, если иной разъ съѣзжу

за границу инкогнито и припасу тамъ себѣ на голодные зубы, какого-нибудь тореадора.

Сердецкій. Простите, голубушка, разстроень я, не до шутокъ мнѣ. Вотъ что: пригляди-те вы за Людмилою Александровною, не оставляйте ее одну...

Олимпиада Алексѣевна. Я и то уже глазъ съ нея не свожу.

Сердецкій. Можетъ быть, ваше общество развлечетъ ее немного.

Уходитъ. Входятъ Лида, Митя и Синевъ — ведутъ Лиду за руки у Синева — отнятый портфель.

Синевъ. Ура! побѣдилъ и овладѣлъ трофеемъ... Митяй! благодарю за вооруженную помощь.

Лида. Да, когда вдвоемъ на одну, да еще я поскользнулась...

Убѣгаетъ.

Олимпиада Алексѣевна. Разыгратъся изво-

лили, Петръ Дмитріевичъ? Вотъ ужъ пословица-то вѣрно говоритъ: связался чортъ съ младенцомъ.

Синевъ. Митя! кланяйся и благодари: тутъ и на твою долю досталось!

Митя. Нѣтъ, я, кажется, тебя, въ самомъ дѣлѣ, скальпирую.

Синевъ. Не сверкай взорами: я только два слова...

Отводитъ Олимпіаду Алексѣевну въ сторону.

Тетушка...

Олимпіада Алексѣевна. Секретъ?

Синевъ. Строжайшій.

Олимпіада Алексѣевна. Денегъ, что ли, надо?

Синевъ. Тѣфу! когда я у васъ просилъ? Вотъ что: Людмила Александровна...

Олимпіада Алексѣевна. И этотъ! Да что вы помѣшались всѣ на Людмилѣ Александровнѣ?

Синевъ. Пишетъ она вамъ иногда?

Олимпіада Алексѣевна. Почти каждый

день обмѣняемся запискою, а то двумя...

Синевъ. Голубые листки?

Олимпіада Алексеевна. Да, у нея всегда такая бумага... Да на что тебѣ?

Синевъ. Квадратики? да?

Олимпіада Алексѣевна. Господи! Вотъ присталь!... Ну, да!.. Мистификацію, что ли, затѣваешь?

Синевъ. Нѣтъ, скорѣе распутываю... Благодарю васъ, тетя Липа!

Олимпіада Алексѣевна. Больше ничего?

Синевъ. Ничего.

Олимпіада Алексѣевна. Стоило красивую женщину въ уголь уводить! Только любопытство раздражилъ!

Митя. Кончились ваши таинственности?

Синевъ. Кончились, братъ! Совсѣмъ... Теперь всѣ таинственности кончились!

Олимпіада Алексѣевна и Митя уходятъ.

Синевъ (одинъ). Нѣкто Брутъ, говоритъ исторія, изъ чувства гражданскаго долга, от-

рубиль головы своимъ сыновьямъ. Людмила Александровна мнѣ почти не родственница даже, да и не рубить голову ей приходится, а только посадить ее на скамью подсудимыхъ. Улики явныя... Преступна! Ясно, какъ день, что преступна!.. Ну-съ, Петръ Дмитриевичъ! вотъ тебѣ сѣкира: руби!.. Что же рука-то не поднимается? Эхъ-хе-хе!

Стоить въ задумчивости. Людмила Александровна показывается въ столовой.

Я не въ силахъ арестовать ее... лучше въ отставку подамъ! Пусть другой... Но, съ другой стороны...

Людмила. Александровна медленно входитъ и приближается къ Синеву. Она идетъ какъ соннамбула, будто не замѣчая его...

Синевъ заступаетъ ей дорогу.

Синевъ. Людмила Александровна...

Людмила Александровна вздрогнула, остановилась, смотритъ на Синева тусклымъ, мертвымъ взоромъ, точно не узнаетъ его.

Синевъ. Нѣтъ! Не могу! не могу!

Убѣгаетъ.

Людмила Александровна (*долго смотритъ вслѣдъ ему*). Догадался, наконецъ? Поздно! надо было брать меня живою: отъ мертвой добыча не велика.

Олимпіада Алексѣевна (*входитъ*). Что такъ задумчива? что такъ печальна?

Людмила Александровна. Липа!

Олимпіада Алексѣевна. Ты опять киснешь? Жаль. Право, мнѣ тебя жаль. Годы наши не дѣвичьи, летятъ быстро. А ты теряешь золотое время на хандру... Есть ли смыслъ? Хоть бы разокъ улыбнулась. Что это? кого собираешься хоронить?

Людмила Александровна. Себя, Липа.

Олимпіада Алексѣевна (хохочетъ). Ой, какъ страшно! Что же тебѣ въ нощи видѣніе было? Это случается.

Людмила Александровна. Да, видѣніе... тяжелый, ужасный сонъ.

Олимпіада Алексѣевна. Я тяжелые сны только на масляницѣ вижу, послѣ блиновъ, а то все веселые. Будто я Перикола, а Пикилло — Мазини. Будто въ меня пушкинскій монументъ влюбленъ, — что-нибудь этакое. А чаще всего никакихъ. Жизнь-то мою знаешь: вѣчный праздникъ! — оперетка, Стрѣльна, шампанское... Вернешься домой, устала до смерти, стоя спишь; добралась до подушки и ау! какъ мертвая!

Людмила Александровна. Какъ мертвая!

Олимпіада Алексѣевна. Ты на жизнь-то полегче гляди: что серьезиться? Съ какой стати? Развѣ у насъ какія-нибудь удольфскія тайны на душѣ, змѣи за сердце сосутъ? Я ужъ и то смѣялась давеча Петькѣ Синеву: что онъ ищетъ рукавицы, когда онъ за пазухою?

Людмила Александровна. А!..

Олимпіада Алексѣевна. Приглядись, говорю, къ Людмилѣ: какой тебѣ еще надо

убійцы? Лицо точно она вотъ-вотъ сейчасъ въ семи душахъ повинится...

Людмила Александровна. Не шути этимъ! не шути! не смѣй шутить!

Олимпіада Алексѣевна. Э! отъ слова не станется.

Людмила Александровна. Не шути! Это... это страшное.

Олимпіада Алексѣевна. Эка трагедію ты на себя напустила! Даже по Москвѣ разговоръ о тебѣ пошелъ.

Людмила Александровна. Уже!

Олимпіада Алексѣевна. Намедни встрѣчаю княгиню Настю... ну, знаешь, ея язычокъ! — А что, спрашиваетъ, Липочка: правда это, что ваша пріятельница Верховская была влюблена въ покойнаго Ревизанова и теперь облеклась по немъ въ трауръ?

Людмила Александровна. Я въ него? въ этого... изверга?.. Да какъ она смѣла?! Какъ ты смѣешь?!

Олимпіада Алексѣевна. Пожалуйста, не кричи. Во-первыхъ, я ничего не смѣю, а во-вторыхъ... я все смѣю! не закажешь! Княгинѣ за тебя отпѣла, конечно. Ну, а влюбиться въ

Ревизанова что тутъ особеннаго? Да мнѣ о немъ Леони такое поразсказала... ну-ну! Я чуть не растаяла, честное слово. И этакого-то милаго человѣка укокошила какая-то дура!.. Не понимаю я этихъ романическихъ убійствъ. За что? кому какая корысть? Мужчины, хоть и подлецы немножко, а народъ хорошій. Не будь ихъ на свѣтѣ, я бы, пожалуй, въ монастырь пошла.

Людмила Александровна. Ахъ, ничтоже-ство!

Ломаеть руки въ смертельной тоскѣ.

Липа!

Олимпіада Алексѣевна. Что?

Людмила Александровна. Дай мнѣ средство, научи меня быть такою же счастливою, какъ ты!

Олимпіада Алексѣевна. А кто тебѣ мѣшаетъ? Живи, какъ я, — и будешь, какъ я.

Людмила Александровна. Не хочу я больше сновъ... не надо ихъ! не надо!

Олимпіада Алексѣевна. Ну, ужъ это, ма-

тушка, не отъ насъ зависить. Это — кому какъ дано!

Людмила Александровна. Мертвые сновъ не видятъ.

Олимпіада Алексѣевна. Не къ ночи будь сказано!

Людмила Александровна. Вѣчный мракъ... забвеніе... тишина...

Олимпіада Алексѣевна. Ну, что ужъ! Извѣстное дѣло: мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай!

Людмила Александровна. Зачѣмъ люди клеветуютъ на смерть, представляютъ ее ужасною, жестокою?.. Жизнь страшна, жизнь свирѣпа, а смерть ласковый ангелъ. Она исцѣляетъ... Она защититъ меня... она проститъ...

Олимпіада Алексѣевна. То есть — убей ты меня, а я ничего не понимаю, что съ тобою творится. Такъ всю и дергаетъ.

Съ внезапнымъ вдохновеніемъ.

Слушай! говори прямо: въ самомъ дѣлѣ,

что ли спуталась съ кѣмъ?

Л. А., оторванная отъ своихъ мыслей,
смотреть, не понимая.

Такъ это дѣло житейское! Довѣрься мнѣ:
слава Богу, подруги!

Л. А., понявъ, наконецъ, раздражается
истерическимъ смѣхомъ.

Все будетъ шито и крыто. Я на секреты не
женщина — могила.

Людмила Александровна (*безумно хохочетъ*). Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ! Спасибо!.. Эта могила не для меня... Я найду себѣ другую!.. другую!..

Быстро уходить.

Олимпиада Алексѣевна. Да куда же ты? куда?.. Фу! перепугала! Охъ, ужъ эти мнѣ в нервныя натуры! Напустятъ на себя

неопредѣленность чувствъ и казнятся.
Зачѣмъ? кому надо! Терпѣть не могу.

Выстрѣль.

Ай!

Изъ разныхъ дверей выбѣгаютъ Си-
невъ, Митя, Лида.

Синевъ. Что случилось?

Митя. Кто стрѣляль?

Лида. Гдѣ?

Олимпиада Алексѣевна. Охъ... боюсь и ду-
мать... Людмила... тамъ...

Лида. Мамочка!

Митя. Господи!

Бѣгутъ за сцену.

Голосъ Сердецкаго. Помогите кто-нибудь...
скорѣе, бѣгите за докторомъ!.. Митя! подни-
май ее! Вотъ такъ!..

Вдвоемъ съ Митею выносятъ Людмилу Александровну.

Лида. Мамочка!

Людмила Александровна. Это я нечаянно... вы не думайте... Я задѣла... Не слѣдовало трогать... Охъ!

Сердецкій. Петръ Дмитріевичъ! скорѣе доктора! Пошлите въ клубъ за Степаномъ Ильичемъ.

Людмила Александровна. Поздно... Не успѣете... Другъ мой! Я умираю... Спасибо за все!.. Передайте мужу — пусть простить... Дѣти!.. Митя!.. Лида!.. измучила я васъ... простите!

Митя. Мамочка моя! мамочка! Господи! да за что же?

Олимпіада Алексѣевна (*гладитъ его по головѣ*). Полно, золотой мой, полно! Это ничего, мама поправится.

Людмила Александровна. Нѣтъ, я не поправляюсь... Петръ Дмитріевичъ! вы видите...

Синевъ. Ахъ, глаза бы не глядѣли!

Людмила Александровна. Подойдите... ближе... я должна вамъ сказать...

Сердецкій. Не надо этого, Людмила, совсѣмъ не надо!

Людмила Александровна. Надо, Аркадій Николаевичъ, совѣсть велить... моя бѣдная отравленная совѣсть...

Синевъ угрюмо приближается.

Людмила Александровна. Забудьте все!.. Прекратите дѣло!.. Я прошу васъ!.. Теперь я имѣю право просить... Жизнью заплачено за жизнь... Охъ!.. Дѣти!.. Ми... Митя!.. простите!.. Люблю... всѣхъ люблю... Ахъ!

Умираетъ.

Лида. Mamочка!

Митя. Мама! За что, за что, за что?

Съ воплемъ припадаетъ къ трупу.

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИМЪЧАНІЕ. Заключительная сцена смерти Людмилы Верховской въ этомъ изданіи начинается во второй, петербургской, редакціи. Такъ играла ее Л. Б. Яворская, имѣющая право считать роль Верховской одною изъ удачнѣйшихъ въ своемъ обширномъ репертуарѣ. У Корша и въ провинціи сцена эта шла по первой редакціи. Такъ какъ многія исполнительницы предпочитаютъ ее петербургской и, благодаря первому печатному изданію "Отравленной Совѣсти", она болѣе извѣстна, то прилагаю и этотъ вариантъ.

ВАРІАНТЪ ПОСЛѢДНЕЙ СЦЕНЫ

По первой редакціи.

Синевъ. Ахъ! глаза бы не глядѣли.

Съ отчаяніемъ бросаетъ портфель на столъ. Изъ него сыплются бумаги.

Людмила Александровна. Это... что тамъ... упало? Какія... бумаги...

Синевъ (*мнется*). Мои служебныя, Людмила Александровна.

Людмила Александровна. А! понимаю, какія... Покажите мнѣ ихъ сюда.

Синевъ. Помилуйте, Людмила Александровна!.. до бумагъ ли?!

Людмила Александровна. Дайте! исполните волю умирающей...

Синевъ нехотя подаетъ. Людмила Александровна читаетъ.

Дѣло объ убійствѣ... неизвѣстнымъ лицомъ... Неизвѣстнымъ лицомъ!.. Дѣти! Липа! отойдите! Я хочу сказать два слова Петру Дмитріевичу. Вы, Аркадій Николаевичъ, останьтесь... вы знаете все.

Сердецкій. Не надо этого, Людмила, совсѣмъ не надо.

Людмила Александровна. Надо, Аркадій Николаевичъ!.. Совѣсть велитъ... Моя бѣдная, отравленная совѣсть... Петръ Дмитріевичъ...

Синевъ. Людмила Александровна, не лучше ли намъ поговорить, когда вы поправитесь?

Людмила Александровна. Нѣтъ, я не поправляюсь. Наклонитесь ко мнѣ... Петръ Дмитріевичъ, тутъ надо сдѣлать маленькую приписку. Вотъ тутъ... возьмите карандашъ... пишите... Охъ!.. Пишите: прекращено за смертью... обвиняемой...

Умираетъ. Дѣти съ воплемъ бросаются къ трупу.

Сердецкій (Синеву). Забудьте ея слова. Не

людямъ судить мертвыхъ между собою! Со-
считаться другъ съ другомъ — предъ ними
цѣлая вѣчность.

Занавѣсь.

Примечания

Первые исполнители ролей: въ Москвѣ у Корша — г-жи Азагарова (Людмила), Шаровьева (Олимпиада), Луаре (Леони); гг. Вязовскій (Верховскій), Свѣтловъ (Ревизановъ), Яковлевъ (Сердецкій), Константиновъ (Синевъ), Смодяковъ (Митя).

Въ Петербургѣ — въ томъ же порядкѣ ролей — г-жи Яворская, Некрасова-Колчинская. Адашева; гг. Тройницкій, Бравичъ, Михайловъ, Тинскій, Орленевъ.

[^^^]